

Писательский клуб
«Альманах»

Семейная сага

Сборник. Книга I

Наталия Смирнова

Семейная сага. Сборник. Книга I

«Издательские решения»

Смирнова Н.

Семейная сага. Сборник. Книга I / Н. Смирнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507303-7

В данной книге собраны работы победителей марафона «Семейная Сага — 1», который проводился в писательском клубе «Альманах» в соцсети «Инстаграм». Это сборник лучших семейных историй, написанных начинающими авторами.

ISBN 978-5-00-507303-7

© Смирнова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	30
Глава 12	32
Эпилог	34
«Нити времени»	36
Пролог. Начало	37
Глава 1. Часть 1. Прадед	39
Глава 3. Часть 1. Отношения	42
Глава 3. Часть 2. Обида	43
Глава 4. Бедность и честность	44
Глава 5. Любовь	46
Глава 6. Путь домой	48
Глава 7. Поиски	49
Глава 8. Боль	51
Глава 9. Часть 1. Гнев	53
Глава 9. Часть 2. Вина	54
Глава 10. Сила	55
Глава 11. Сны	57
Глава 12. Поиски продолжаются	59
Эпилог. Ценность	61
«Дух ветра»	63
Пролог	64
Глава 1	66
Глава 2	68
Глава 3	70
Глава 4	72
Глава 5	74
Глава 6	76
Глава 7 Айрде	78
Глава 8	80
Глава 9	82
Глава 10 Айрде	84
Глава 11	86
Глава 12 Айрде	88
Эпилог Айрде	90
«Деды»	93

1. Краткое содержание	94
Глава 1 Дед	96
Глава 2 Бабушка	97
Глава 3 Октябрьское	98
Глава 4 Потери	99
Глава 5. Мама	100
Глава 6 Чемодан	101
Глава 7 Папа	102
Глава 8 Память в ладошках	103
Глава 9 Принцессы на горошине	104
Глава 10 Воля к победе	105
«Бородин, на выход!»	108
Глава 1. Домашний уют	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Семейная сага

Сборник. Книга I

Редактор Наталия Смирнова

Редактор Алия Латыйпова

Иллюстратор Анна Седова

Корректор Сьюзи Литтл

© Анна Седова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-7303-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-7304-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Представляем Вам уникальный сборник «Семейная Сага».

Истории, рассказанные участниками писательского клуба «Альманах», это эпические повествования о жизни нескольких поколений одной семьи. Ярко, образно, смешивая жанры и стили, путешествуя по историческим эпохам, авторы смело погружают нас в глубины психологической драмы, самобытной комедии, фееричной фантасмагории, напряженного детектива.

В житейской суете, мы часто забываем о силе семейных уз, ценности духовной связи между поколениями, прочной и нерушимой

Клуб «Альманах» желает Вам приятного чтения. Берегите друг друга.

Участники литературного проекта «Семейная сага»! Поздравляем вас с публикацией Сборника, и сказать, что все Вы молодцы! Не побоялись препятствий, сложностей, большого объема работы. Вы неутомимо плели тонкие нити событий, развивали сюжетные линии, с любовью вели своих героев через трудности и испытания. # Во время проекта мы стали ещё ближе. Мы породнились. Наши семейные узы стали крепче.

Вы – настоящие писатели. Только люди с богатой фантазией, открытым сердцем, талантом, широким кругозором, упорством и трудолюбием могут осилить такой масштабный проект в довольно сжатые сроки.

Гордимся Вами, благодарим за доверие к клубу, выражаем свое восхищение и ждем новых историй от мастеров пера.

С любовью Ваш Писательский Клуб «Альманах» и его авторы:

Смирнова Наталия

Латыйпова Алия.

АВЕ АЛИСА
«Ночь в номере сто три».

Пролог

– Эй, сюда! Сюда, усталый путник! Дороге нет конца, а дело идёт ко сну. Загляни к нам, покой ногам дай! Господин, у нас рай небесный и рай земной, для тех, кому небо не по карману. Хорошие комнаты и обилие еды, мимо не проходи! Постели мягче пуха, вино слаще мёда, чай душистый и горячий. Эй, заночуй у нас! Целебный пар впитай про запас! Окупись, исцелись и дальше в путь пусть! Господин, путь далёк, зайди на огонёк!

– Что ты кричишь в ночь? – скрипучий голос перебивает разливыстые трели молодого зазывалы. – Постояльцев разбудишь. Сегодня никто уже не придёт, время позднее. Всех не заманишь.

– погоди, дедушка, – просит юноша, не оборачиваясь. – Не просто так надрываюсь. Вижу свет фонаря. Жди гостя, готовь место.

Дед щурит подслеповатые глаза, вглядывается в черноту ночного леса.

– И вправду, будто бы свет.

– Эй, путник! Верно, ног под собой не чувствуешь! Остановись, у нас заночуешь! – снова завёл песню внук.

«Какой внучок у нас! – радуется дед. – Такому не страшно дела передать. Традиции чтит, землю родную любит. И голос громкий».

Свет фонаря приближается. Теперь сомнений нет. Ветки шуршат. Темнота ночи рассеивается тёплым сиянием.

– Господин, – дед и внук склоняются перед гостем.

Он возвышается над ними, облачённый в тяжёлые доспехи. Рукояти катан поблескивают на поясе в игре свечей. Отстраняется, пропуская вперёд тонкую фигуру, облаченную в белый шёлк. Накидка падает с лица, хозяева кланяются ниже в глубоком почтении.

– Мои покои свободны? – слова льются звенящим ручьём. – Я так устала.

– Кто осмелится занять ваше место, госпожа? Мы всегда ждём вас, – частит старик, незаметно толкает молодого. Тот, не разгибая спины, открывает двери.

– Давно не навещала вас, – госпожа проходит вперёд. Шёлк её одеяний несёт за собой туман. Она знает, куда идти. Но старик отправляется за ней убедиться все ли по вкусу дорогой гостье.

– Можешь отправиться спать, юноша, – если её речь подобна звону серебряных струй, то его – раскатам грома. Самурай встаёт у дверей. – Покуда госпожа навещает вас, я на страже.

– Надолго ли госпожа к нам в этот раз? – осмеливается спросить юноша.

– Всё зависит от того, как скоро она управится. Как твоя бабушка? Слышали, нездоровится ей.

Юноша молчит.

– Время считает лучше нас. И всегда знает заветный срок. Спи и ни о чем не тревожься.

Туман наползает на спящий лес. Смешивается с паром горячих источников. Проникает в дрему постояльцев.

Госпожа снимает шелка.

— — — — —

#

Бронирование подтверждено.

Мичи проверила почту. Отель прислал ваучер. Отлично! Её зовёт старинный отель. Жар целебных источников. Тишина. Величие гор.

Она едет отдыхать. Наслаждаться видами. И писать. Писать день и ночь. Смена обстановки способствует творчеству. Чемодан ждёт.

— — — —

Рюу подтвердил запрос.

– Тебе влетит, – брат глянул на экран через его плечо. – Определенно.

– Свежая кровь всегда кстати, – отмахнулся Рюу.

– Бабка будет рвать и метать.

– Она не заметит. Вся в подготовке к знаменательному дню.

– Ты что, не скажешь ей?

Рюу покачал головой.

– Я тебе не помощник, – шепнул брат. Он приклеил широкую улыбку на лицо, к стойке подошёл гость. Рюу заулыбался куда искреннее.

Отель жил своей обыкновенной жизнью. Мать Рюу следила за приготовлением завтраков, отец за чистотой купален. Бабка Хакусана считала прибыль.

Брат паниковал. Гость жаловался.

– Наверху всю ночь шумели. В сто третьем.

– Это невозможно, простите. Номер свободен.

– Но я слышал голоса! И грохот! Невозможно было уснуть!

– Этот номер пустует. Однако, для вашего комфорта мы предложим другой номер. Естественно, уровнем выше. Сожалею о доставленных вам неудобствах.

Гость отправился на завтрак удовлетворенный. В итоге они всегда довольны.

Все спокойны и расслаблены. Сто третий пустует. Ваучер отослан. Брат ублажает следующего постояльца.

Рюу предвкушает хаос.

Глава 1

– Ты отдаёшь отчёт своему поступку? – острие ножа направлено на Рюу. Распотрошенная рыба обиженно разевает рот. Она забыта. Асу редко пребывает в подобном настроении. Кухня кипит её гневом. – Что ты возомнил о себе?

Рюу невозмутимо жуёт рисовый пирожок.

– Ты должен был сказать ей, что мест нет!

– Сказал.

– Ты должен был предложить отель по соседству.

– Предложил. На противоположном склоне горы.

– Что же она тогда делает в сто третьем?

– Думаю, разбирает вещи.

Рыба обретает способность летать. Врезается в стену. Сползает на пол. Рюу берет второй пирожок.

– Мама, понятия не имею, как это произошло, – Рюу сама честность. – Она бронировала номер онлайн. Планировала отдых целый год. Приехала под вечер. Разве мог я обидеть гостя? Пусть переночует, утром лично отвезу её в другой отель. И возьму убытки, естественно.

– Со своего кармана, – бурчит мать.

– Распоряжение великой и ужасной Хакусаны?

– Именно так.

Шкварчание сковороды отвлекает внимание Асу. Она не умеет долго злиться. Негативные эмоции окрашивают ауру в мрачные цвета. Асу же любит свет и спокойствие. Оттенки голубого.

– Это брат меня сдал?

Рюу в любую гармонию вносит огненные всплески.

В него летит редис.

– Ночь предстоит тяжёлая, – вздыхает Асу.

Сын смеётся.

– — —

Великая и ужасная Хакусана согнулась под тяжестью лет почти до земли. Лицо её некогда белое и прекрасное ссохлось, покрылось глубокими рытвинами морщин. Руки застыли под странным углом прихотью артрита. Двигалась она с большим трудом, волочила за собой правую ногу. Почти не выходила из комнаты, стараясь не смущать гостей отеля шаркающей своей походкой. Вела счёт доходам и расходам, вооружившись очками с толстыми линзами и ясным разумом. Правила старинной гостиницей безраздельно, не разгибающейся железной рукой.

Рюу решил сыграть с ней. Она сразу почувствовала, как изменилась атмосфера в отеле. Пар источников стал горчить. Воздух загустел. Дверь сто третьего номера скрипнула, натянув невидимую нить. Струну, от которой разнесся долгий звук. Стон. Оклик.

Дымок благовоний щекочет нос.

– О, дорогой мой, неужели настает час?

Линии судьбы рисуют круг. Пытается она разомкнуть его, да не выходит.

Рюу похож на деда. Стремительностью движений, непостижимым чувством юмора, медным оттенком волос. Но в остальном он пошёл в старую Хакусану. Особенно в желании поиграть.

– Я обещаю, что у него не выйдет, дорогой.

– Муж смотрит с фотографии. Слеза теряется в рисунке времени на её лице.

#

— — — — —

#

Рюу расправляет татами в сто третьем. Мичи наблюдает за ним. Её до сих пор колотит от негодования. Подумать только, её не хотели заселять! Ошибка системы! Но она-то не ошибка системы, она живой человек здесь и сейчас.

Этот юноша вмешался во время. Он сумел найти для неё номер. И какой! Огромный, занимающий весь четвёртый этаж. С балконом и видом на густую зелень леса.

— К вашему возвращению мы накроем ужин. А пока спускайтесь к источнику. По территории отеля можно ходить в юкате. Полотенце с собой не носите, вам все выдадут у онсена. Красные отметки укажут вам, какие бани сегодня подготовили для дам. Поверьте, вы сразу же забудете о всех проблемах. Вода творит чудеса.

Мичи достаёт легкую юкату. Удаляется в ванную комнату.

Рюу смотрит в противоположную сторону. Там в дальнем углу сидит маленький человечек в соломенной шляпе. Блестят чёрные глаза. Он слегка склоняет голову, приветствуя Рюу. Затем указывает длинным пальцем на дверь ванной.

— Пусть слегка отдохнёт, — шепчет ему Рюу, — Дождитесь рассвета.

Человечек исчезает. Ему надо сообщить остальным. Удивительное дело, в сто третий заселили человека. Живого человека!

Глава 2

Сон полный неги. Бесценный дар онсена.

Звёзды зорко смотрят с высокого неба. Рассыпаны щедрой рукой. Такое небо бывает только в горах. Воздух свеж. Деревья нашептывают сюжеты. Перебирают страницы памяти, отыскивают древние сказания.

Источник дышит. Пар обволакивает тело, очищает от суеты дней. Снимает шелуху тревог. Обостряет чувства.

Негромкие голоса купальщиц плетут канву чужих судеб. Легенда превращается в сплетню, сплетня в легенду.

Мичи покрывает десяток страниц убористым почерком.

«Давным-давно заблудился в лесу человек. Он плутал меж деревьев до глубокой ночи. Когда же он совсем отчаялся, явился дух, окутанный белым сиянием. Он указал мужчине путь к горячим источникам. И приказал построить возле них гостиницу. Чтобы вечный путник, единственный не знающий покоя, смог отдохнуть в ней.

– Дай ему все, что попросит, как постучится в двери. И получишь от него вечность, – сказал дух.

Мужчина исполнил наказ. И стал ждать прихода гостя».

Вечер перетекает в ночь, мысли в строки, реальность в сон. Мичи плывёт в его волнах.

«Вовсе не жар земли греет благодатью онсены. Нет, это огонь дракона, живущего у подземных истоков. Его милость наполняет воды целительным теплом».

– Дракон бессмертен. И добр. Он делится своей силой. Возвращает нам здоровье, что мы так безрассудно тратим, – полотенце, поданное ей смотрителем бань, Джуном, открывает дверь в зачарованный мир.

Сны – это тоже истории.

– Богатая фантазия, не оторваться!

– Подвинься, мне тоже хочется.

– Всем хватит, не толкайся. Рюу дал время до рассвета.

– Ты слишком много съел, это не честно!

Двое копошатся возле левого уха девушки. Быстрые паучьи ноги расплетают сновидение. Дракон съеден наполовину. Тонкие нити тянутся от виска Мичи в ненасытные рты.

– Как же вкусно!

– Спасибо Рюу! Девчонку жаль, конечно. Зато, как славно пообедали.

– Тише вы там, – шуршание перебивает ледяной голос. За низким столиком сидит Рюу.

Перебирает исписанные листы. Темнота ему не помеха.

– Рюу! Мы съели дракона.

– В следующий раз он съест вас. Убирайтесь, достаточно!

Чёрные тени торопливо пробегают вдоль стены. Ножки гнутся под тяжестью съеденных снов.

Рюу задумчиво смотрит на укутанный темнотой силуэт девушки.

Хакусана ясно дала понять, что не даст его планам осуществиться. Они поспорили.

Рюу должен победить любой ценой. Больше возможности не представится. Они не позволят снова заселить кого-то в сто третий.

Он подходит к девушке. С нежностью касается её лица. Садится возле циновки.

– Ты придумываешь свои миры. Блуждаешь в них. Прокладываешь новые тропы. Правда, эту историю, – он указал на бумаги, раскинутые по столу, – явно подсказал отец. Очень кстати. Она не отпустила тебя даже во сне. Хочешь, я расскажу, какой мир не отпускает меня?

Юноша наклоняется, шепчет что-то на ухо девушке. Мичи хмурится во сне. Плавное течение грёз меняется. В них пробирается холодный туман.

Небо окрашивается первыми лучами рассвета. Рюу щёлкает пальцами. Сердце Мичи останавливается. Простор сто третьего номера заполняют духи.

Мичи открывает глаза. Её знобит. Мелкая дрожь пробегает вдоль позвоночника. В голове эхом раздаётся шёпот, слов не разобрать. Взгляд упирается в девушку, спящую на циновке. «Кто спит в моем номере?» – проносится возмущённая мысль.

Всклоченные чёрные волосы. Нос уткнула в подушку. Ноги поджала к груди. Одеяло откинула далеко. Спит совсем как сама Мичи. На руке крохотная татуировка – лотос. У Мичи тоже есть такая. Её ещё попросили заклеить пластырем перед входом в онсен. Смотритель бань долго извинялся, но правила нарушать нельзя. Пластырь Мичи потом сняла, бросила возле циновки. Да он и сейчас там валяется. Рядом. С Ней.

Мичи смотрела на саму себя. Точнее, на своё бездыханное тело.

– Добро пожаловать в наш отель, Мичи! – проворковал Рюу. Ему вторили десятки громких голосов.

Глава 3

Госпожа приходила каждый год. Как и обещала. Оставалась на три дня. Приносила с собой туманы, после растворялась в них. Забирала одного. Оговорённая плата.

Хакусана сумела замедлить время.

– Не покидайте стен рёкана, – госпожа щедра. Её благодать коснулась всей родни, служившей в отеле. Хакусана не просила за них. Лишь за себя и свою семью. Получила куда больше. Они не уходили по сумрачному мосту, влекомые последним вздохом, они продолжали трудиться. Обеспечивать ненавязчивый, идеальный сервис.

Волшебный отель Хакусаны-сан! Где желание гостя исполняется по мановению руки. Духи умеют быть незаметными. И им не надо платить. Сорок шесть поколений сменилось в отеле. А на самом деле одни и те же безропотно служили родовому гнезду. Не выказывали недовольство. Все, как один, кроме Рюу.

Хакусана никогда не забудет выражения его лица в ту ночь. В ночь, когда он чуть не съёл отель, оправдав значение имени.

– Проклинаю тебя, – кричал он, рвался из хватки отца, задыхался от едкого дыма и ярости, – Я отомщу, день придёт!

– Что же не настает этот день? – спрашивала она внука из года в год, из века в век, – Не она, так твоя мать. Кого бы выбрал ты?

Она видела огонь в его глазах. Гнев, ничего более.

Но ранним утром услышала, как он спускается с четвертого этажа, насвистывая. В руках ключ от сто третьего. В глазах – лик госпожи. И поняла, время начало отсчёт.

Госпожа скоро явится.

— — — — —

– Ты будешь по мне скучать? – Чио дрожит, прижимается к Рюу всем телом.

– О чем ты говоришь? Я все подготовил. Там, в номере её ждёт прекрасное тело. Она согласится, непременно согласится. Мы получим свободу, – Рюу гладит седые волосы, целует сморщенные руки.

– Она назначит цену. Опять. Ты не сможешь...

– Я отдам ей ту, за которой она приходила. Свергну с трона старую каргу. Ты снова станешь собой.

Чио плачет. Глухой стон тревожит сухую грудь. Блеклые глаза почти не видят Рюу, но помнят любимые черты.

– Мне жаль, – даже голос другой. Скрежещущий, с трудом пробивающийся сквозь годы, давящие на плечи, цепкими пальцами сжимающие горло. Чужие годы.

– Жаль?

– Девушка, мне жаль её. Одумайся, Рюу.

Юноша вскакивает.

– Я решил! Я верну тебя!

Он вылетает из затхлой комнатки. Никто не знает, что у номера сто три есть потайная каморка. Мир Чио. Мир разрушенной любви.

«Сколько в этом доме мерзких бабок?» – Мичи смотрит на сгорбленную старуху, сжавшуюся в углу.

В каморку её привёл человек в соломенной шляпе. Духи покорно слушали дикий рёв Мичи. Считали тщетные попытки вернуться в тело. Просили успокоиться. Обещали найти работу при онсене. Помочь осознать безысходность.

– Ты теперь часть семьи, – утешал её огромный скелет, ломая сознание окончательно, – мы поможем тебе. Хакусана подберет дело по душе.

Дело по душе?! Драить бани! Кланяться бесконечным гостям! Так коротать вечность? Лицезреть этого Рюу, без возможности врезать подонку по роже! Мичи натыкалась на невидимую преграду всякий раз, когда пыталась накинуться на него. Она орала, бесновалась, он глядел в упор, усмехался.

– Рюу не такой плохой, – человечек в соломенной шляпе тронул её за колено, поманил за собой.

Он открыл потайную дверь. Из темноты на Мичи глянули слепые глаза.

– Прости, – шептали старческие губы.

Человечек рассказал Мичи историю Рюу. Историю отеля.

Глава 4

– Шел проливной дождь. Капли разбивались о землю в ледяные осколки. Он предложил ей встать под один зонтик. Она не смела даже дышать.

– Я пойду рядом, господин.

– Идти далеко.

– Я пойду рядом.

Рюу оглянулся на семью девушки. Дети мал мала меньше теснились возле матери. В обносках. Ноги босые. Они казались выцветшими. Голод стёр краски с лиц.

– Как тебя зовут?

– Чио.

Славной Хакусане-сан нужна девочка для ублажения гостей. Семье Чио не нужен лишний рот. Их отец пропивал деньги, вырученные за дочь, в соседней таверне.

Чио маленькая и хрупкая тряслась под дождём, куталась в поношенную одежду. Рюу отдал ей зонт.

– Рядом пойду я.

От удивления она подняла на него взгляд. И шум дождя замолк. Рюу никогда прежде не видел таких глаз. Он затерялся в них, как в густом лесу. Опускался на дно темных озёр. Взлетал к ночному небу.

Глаза Чио наполнились слезами. Рюу видел не слезы, но звёзды тысячи миров.

Он шёл позади неё. Ступал по её следам. Она постоянно оборачивалась.

– Я привёл горничную, – железный тон Рюу заставил Хакусану вздрогнуть.

Его решение не посмели оспорить.

Чио.

#

Душа Чио пела. Она не скрывала чувств. Бабочкой порхала из комнаты в комнату. Оставляла за собой свежесть чистого белья и звон песни. Лёгкие шаги её будто приближали весну. Ведь сама Чио пребывала в весне своей любви.

Она станет женой Рюу.

Добрый, нежный, заботливый Рюу. Решительный и смелый. Взял за руку, подвёл к отцу с матерью:

– Вот моя невеста!

Ослеплённая любовью Чио не заметила, как побледнел Джун-сан.

#

Асу.

#

Асу достала из сундука кимоно. Белее снега. Разложила, разгладила складки. В нем невеста произнесёт клятвы. В нем откажется от прошлой жизни, вступит в новую. К нему и оби есть, и накидка.

В нём Асу сошла к своему Джуну. Так юная Чио предстанет перед Рюу.

Рюу слишком быстро вырос. Взял на себя половину дел отца и деда. Вникал в заботы Хакусаны. Вёл беседы с постояльцами. Стоял у ворот рекана долгими ночами. Решил жениться.

Асу любила сына. Она не могла ему отказать. Поспешила спрятать страх за улыбкой. Обняла девушку. Взглядом упросила Джуна молчать.

Есть ещё другое кимоно. Красное. Шитое золотом. Для застолья с гостями. Разлетаются по нему фениксы. Несут счастье невесте.

Асу вздохнула.
Принесут ли они счастье маленькой Чио?

Джун.

– Все разрешилось само собой, сын, – мать наводила на него ужас.

В дальнем углу до сих пор стояла крючковатая палка. Спина прогибалась даже от случайного взгляда на неё. Всегда ровно двенадцать ударов.

– Видно боги услышали твои мольбы. Жена останется при тебе. А я не лишусь лучшей кухарки.

Джун подался вперёд, чтобы возразить, но не нашёл в себе храбрости.

– Я распорядюсь, чтобы начали подготовку к свадьбе. На самом же деле это будет подготовка к прибытию госпожи. Все как обычно. Рюу и его девчонка должны думать, что мы стараемся для них. Ты понял меня, сын?

Джун кивнул. Руки его непроизвольно сжались в кулаки.

Не печалься. Есть же ещё младший внук. Он наплодит вам с Асу столь желанных карапузов. Твоя жена успокоится.

– Рюу не успокоится, – вырывается у Джуна.

– Ты сумеешь с ним сладить. Я же с тобой справилась.

Мать жестом дала понять, что не желает его больше видеть.

Джун вышел из её комнаты. Старуха не знала границ. Если бы отец не отрешился от всего материального в этом мире, то все могло бы быть иначе. Но он исполнил наказ духа и отошёл от дел. Его интересовали только долгие разговоры с гостями, стук костей сёги и горечь сакэ. Хакусана прибрала власть в свои руки. А вместе с властью и судьбы подчиненных ей людей.

Только Рюу мог ей возражать. Старуха решила ему отомстить.

Асу будет печалиться.

Хакусана.

Хозяйка рёкана Хакусана-сан, только Хакусана-сан.

Да, дух явился её мужу. Да, источники нашёл муж. Он построил отель. Он привёл в него жену и сына Джуна.

Но процветание их делу обеспечила Хакусана.

И Госпожа открылась именно ей. Никому другому. Мальчишке не стать главой дома!

Она совершит обряд и получит обещанную вечность.#

Рюу придётся смириться.

Закат окрашивал кровью небо. Кашель разрывал грудь и горло. Кровью кашляла Хакусана.

«Скорей, Госпожа, прошу!»

Глава 5

Рюу с братом вглядывались в сумерки. Госпожа приближалась.

В мечтах о Чио, Рюу забыл о её прибытии.

– Неудачное время для свадьбы, ты выбрал, брат.

Сперва из тумана вышел самурай, облачённый в тёмные доспехи. На поясе две катаны.

Рогатый шлем.

Он пропускает вперёд Госпожу. К Рюу тянется костлявая рука.

– Дай опереться, мальчик, я долго странствовала.

Шелка скрывают старческое тело. Кажется, от прикосновения она рассыпется в прах.

Рюу подставляет плечо. Госпожа опирается на него.

– Жизни тяжелы, ношу не сбросить. Готовы ли мои покои?

– Все готово, Госпожа.

– В рекане шумно.

– Готовимся к свадьбе.

– Неужели женишься?

– Буду рад, если почтите нас своим присутствием на церемонии.

– Врешь, радости я не доставлю. Да и к чему пугать невесту.

Самурай остался на страже. Рюу провёл Госпожу в рекан. Брат семенил следом.

В дверях они столкнулись с Чио.

– Красива, – выдохнула Госпожа, – Продай последний котелок, но найди хорошую жену.

Так говорят люди? Дальше я сама, мальчик!

Она легко поднимается по лестнице.

— — —

Дед с удовольствием рассказывал историю, называл её легендой о рекане.

«Дух явился, когда я заплутал в лесу. Вывел к горячим историкам.

– Здесь построишь рекан. Будешь ждать гостя.

Я выстроил гостиницу. Последний, четвёртый этаж для загадочного гостя.

Перевез жену и сына.

Гостиница в лесу не привлекала внимания. Мы голодали. Жена плакала, плакал сын.

Просили меня вернуться в деревню. Оставить рекан и призрачные мечты. Но я ждал.

Осень принесла туманы. Из туманов вышла она. Дух не сказал, что это будет старуха.

И самурай возле неё.

Она хотела три дня отдыха. Тишины. За это получу процветание. Поколения сменятся, рекан будет обогащать их. Она предложила богатство. Тогда я не знал, кто она на самом деле.

Три дня минули. Она ушла. Унесла с собой сына, которого носила во чреве жена.

Слава о рекане разлетелась быстро. Онсены наполнились людьми, сундуки золотом.

Через год она вернулась. День, два, три. Мы не досчитались постояльца. Снова пролетел год. Все повторилось.

Сын рос. Красота жены тускнела. Я растил живот. Она оставалась неизменной. Старуха, окутанная туманами. Уносящая одну жизнь по истечению трёх дней.

Как-то вечером, жена открыла мне, кто же наша гостья.

– Я видела, она сняла шелка. Под ними тлен, кости, разлагающаяся плоть. Она заметила меня. Рассмеялась. Сказала, что для каждого назначен день. О, родной, знаешь, кого мы при-
вечаем? Саму смерть.

– Что ты говоришь, глупая женщина? – как мог я поверить этим словам.

– А ты поверь, – старуха стояла в нашей комнате. Смерд гниющей плоти разносился от неё. – Смерть – вечный путник, не знающий покоя. Нет дома, нет пристанища у смерти. Не приклонить усталой головы, не скинуть бремя вечности. Смерть – не желанный гость.

Я несусь за собой ваши жизни. Неподъемную ношу.

То был третий день. Она забрала троих. За свою тайну.

Жена изменилась. Она ждала прибытия нашей гостьи, считала дни. Становилась похожа на Госпожу. Они шептались в её покоях.

Сын женился. Я видел, как странно жена смотрит на молодую женщину. Что-то стало известно ей. Ещё одна тайна. Я не спросил, какая. Я открыл для себя радостное успокоение в кристальной чистоте сакэ. Хозяйкой рекана стала жена».

Если бы Рюу знал тогда, что задумала бабушка.

– — —

#

– Не делай этого, – у мужа дрожали губы.

Хакусана дала ему новую бутылку.

– Я не хочу умирать.

– Такова судьба человека.

– Нет! Она одарила нас богатством. К чему мертвому богатство? Его истратят внуки. Глядишь, пойдут в тебя, пропьют рекан. Я не допущу. Она обещала мне вечность в обмен на пустяк.

– Отдай ей меня!

– Глупец! Больно ты нужен.

– Что же нужно ей?

Хакусана погладила мужа по седой голове. Сакэ раскрасило его лицо красными пятнами. Заострило нос, затянуло мутной пленкой глаза. Лению расплзлось тело. Ноги подогнулись прожитыми годами.

Неужели он не понимает? Неужели не испытывает тоски, что мучает Хакусану? Она разделяет жгучее желание Госпожи.

Смерть – женщина. Но никто не любит её, она приходит в образе старухи. Смерть – женщина. Ей хочется любви и восхищения.

– Молодость!

Глава 6

Белое кимоно.

Накидка из крепа и парчи заткана журавлями, черепахами, пышнохвостыми карпами. Символы счастья, мудрости, богатства.

Оби обхватил тонкий стан.

Чио – видение, лунный свет, ласкающий взор Рюу.

Трижды пьют они из священной чаши. Обмениваются душами. Становятся единым целым.

Кимоно красное. Золотые нити поблёскивают. Сверкают глаза невесты. Гости провожают молодых в ночь.

В первую ночь Рюу и Чио.

Туман клубится у дверей рекана.

#

Рюу просыпается от дикого крика. Чио рядом нет. Циновка смята. Одеядло валяется в стороне.

Крик доносится сверху. Сто третий. Покои госпожи.

Рюу вылетает из комнаты. В коридорах толпятся постояльцы, бегают слуги. Рюу вырезается в брата.

– Не ходи туда, – брат трясёт его за плечи, сам весь трясётся.

Рюу отталкивает его. Крик Чио рвёт ему душу. У них ведь теперь общая душа.

Бабка держит Чио за руки, отец за ноги.

– Отпустите её, – Рюу готов убить их. Он делает шаг и замирает. Не в силах пошевелиться. Лишь смотреть.

Госпожа откидывает вуаль. Прижимается иссохшими губами к нежным губам Чио. Лицо девушки колеблется, как вода, перетекает к старухе. Разглаживает морщины, возвращает персиковый цвет щекам, зажигает погасший взор.

Госпожа оборачивается к Рюу.

– Хочешь меня поцеловать? – она забрала все. Чистый лик, звонкий голос, стройное, белое тело, лунный свет, исходящий от него.

Хакусана отбросила руки потерявшей сознание Чио. Отец опустил её ноги. Он старался не смотреть на поседевшие волосы, на покрывшуюся рытвинами кожу. Выбежал из комнаты, лицо в ладонях.

– Твое желание исполнено, Хакусана!

Госпожа смеялась, гладила крутые бёдра, щипала упругие щёки, играла волосами.

– Я предложу тебе обмен, Рюу, когда твоя душа треснет и тьма заполнит её!

Она прошла по всему рекану прежде, чем растворилась в тумане. Говорили, что её нёс на руках самурай.

Хакусана вышла следом. Не глядя на внука.

Оцепенение спало. Рюу бросился к Чио. Для него она все ещё была прекрасной.

– Чио!

Она не отвечала. Он решил, что она умерла.

Пламя поглотило рекан быстрее, чем ожидал Рюу. Он ощутил себя драконом, несущим огонь. Хотел превратиться в дракона, пожрать всех.

Гости искали спасения в онсене. Хакусана рвала на себе волосы. Отец вытащил Рюу из горящего дома.

– Она жива, жива, Рюу. Сынок, помоги спасти рекан.

Слезы душили Рюу. Он плакал от бессилия и ненависти.

Чио лежала в сто третьем. Покои Госпожи огонь не тронул. Она не смогла умереть. Госпожа наградила род Хакусаны вечной жизнью, Чио успела стать его частью. Девушка в теле старухи.

У смерти теперь лицо Чио.

— — —

— Он предложит меня? — Мичи плевать на великую любовь Рюу, — Хочет выторговать свою Чио, заменив её мной?

— Если Госпожа согласится, — спокойно отвечает человек.

— Зачем я сюда приехала? — Мичи воет в голос. — Как вообще ему удалось выкинуть мою душу вон?

— Рюу давно стал духом. Как и мы все. Он многому научился.

— Но я не хочу становится духом! Я живая, я человек!

— Была человеком. Теперь ты дух рекана. Ты можешь лишь наблюдать. Госпожа скоро явится. Все решится.

— Если не согласится?

— От тебя не останется ничего.

От рева Мичи дрожит весь отель.

— — —

Госпожа снимает шелка. Она позвала его. Она решила.

— Я сделаю, как ты хочешь, Рюу.

— Что в замен?

— Ночь.

— Ещё одна ночь? Покои твои. Ты вольна оставаться, сколько пожелаешь.

— Ночь с тобой.

Ту ночь он не вырвет из сердца. Она навеки переплелась с их единственной ночью с Чио.

— Я приду через год. Подбери достойную.

— — — — —

Мичи. Хорошее имя. Прислала скан документов. Красивая. Необычные глаза.

Синие. Хотя, может, линзы?

Рюу подтверждает бронь.

Госпожа одобрит выбор.

Больше всего на свете Рюу ненавидит двоих. Бабку Хакусану. И самого себя.

Глава 7

Мичи следует за Рюу молчаливой тенью. Маячит у плеча, когда он заселяет гостей. Наблюдает во время обеда. Пытливо смотрит, как заносит в программу информацию о свободных номерах. Только к Чио вместе с ним не заходит.

Рюу видит слезы, которые она старательно прячет.

– Откажись, – просит Чио, – не втягивай её.

– Сын, ты ведь не такой, – твердит отец.

Хакусана растягивает губы в омерзительной улыбке всякий раз, как он проходит мимо. Убеждена, внук поддастся уговорам.

Бабка часто разговаривает с фотографией мужа. Думает, никто не знает о её слабости. Дедушка сумел вырваться в начале прошлого века. Старик сбежал из отеля. Бдительное око Хакусаны замылилось. Что взять с пьянчужки, решила она. Ослабила надзор.

Скорее всего дед развеялся в дым, переступив землю проклятого рода. Возможно ли, что он сумел дожить остаток жизни счастливо? Свободно.

Рюу тоже хотел уйти. Сжимая в объятиях Чио. Вновь юную и прекрасную. Прочь из рекана, пусть даже в неизвестность.

– Не смотри на меня так, – он не выдерживает. Стена безмолвия падает, водопадом льётся поток брани и ярости. У Мичи не только воображение богато, но и словарный запас. Рюу узнает много новых слов. Кое-что можно будет испытать на Хакусане. Или нерасторопном брате.

Юноша даёт Мичи выговориться. Не перебивает, не спорит. Постепенно ругань сменяется мольбами.

– Неужели нет другого пути? – спрашивает она и замолкает.

– Нет.

– Ответ звучит как выстрел. Плечи девушки опускаются

– Что же мне делать?

«Умереть я тебе на дам!» – Рюу сжимает губы, чтобы не выдать себя. Чем меньше посвящённых, тем больше шансов на успех.

– Иди наверх, – приказывает он, – жди указаний с остальными.

Подчиняется. Обездоленным душам ничего другого не остаётся. Скоро она станет бледной тенью прежней Мичи. Если у Рюу не получится.

«Пусть лучше считает меня чудовищем».

– Когда Госпожа переходит из тела в тело, она всего лишь дух. Это твой шанс, мальчик. Непусти его.

Самурай не снимал шлема. Рюу думал, что под доспехами пустота. Тьма. Ещё одна личина его страданий. Он ошибался.

– Отчего ты помогаешь мне?

– Я помню любовь. Помню её до того, как она стала смертью.

Самурай не объяснил. Но Рюу понял.

— — — — —

– Справишься?

Рекан готовится к прибытию Госпожи. Рис, красные бобы, тофу, рыба.

Умиротворенные гости. Они будто впадают в оцепенение перед её появлением. Даже пар источников замирает. Туман спускается с гор.

Руки Асу дрожат. Рюу обнимает мать.

– Все получится.

— — — — —

Туман. Сколько она себя помнит вокруг туман.

Когда-то он переливался звездной пылью. Затем долго плёлся позади сединой волос. Сейчас он напоминает ей лепестки сакуры.

Туман однажды становился сакурой. Она встретила своего самурая. Только в волосах ужа серебрились нити.

Самурай остался. Серебро покрыло голову. Туман обернулся паутиной.

Ей же хотелось облака нежных лепестков.

Свежесть Чио вернула весну. Её бы хватило надолго. Но время изменилось. Изменился мир.

Рюу подыскал ей новую одежду. Подстать новому миру.

Вдруг туман снова засверкает звёздами? Как было до начала времён?

Госпожа непривычно поёжилась. Воспоминания о начале знаменуют конец.

Ей надоел рекан. Пора подыскать другое пристанище.

Глава 8

Хакусана стоит рядом с Рюу у ворот рекана. Она не позволит ему первым увидеть госпожу. Угроза повисла в воздухе, лёгкие женщины вспомнили щекочущий ужас болезни. Она закашлялась.

– Нездоровится, бабушка? – участливо спрашивает Рюу.

– Ты идиот, – скрипят зубы.

– У меня отличный учитель.

Когда-то Хакусана обожала его. Умного, заботливого, смелого. Когда-то он любил властную бабу.

Появление Госпожи неизменно. Туман. Самурай. Белый шёлк.

– Рада видеть тебя, Рюу!

Хакусана захлебнулась кашлем.

— — —

#

Асу заглядывает сыну в глаза. Пытается разглядеть ответы.

– Мам, положи мне ещё рыбы.

– Сегодня?

– Желательно сейчас.

– Все случится сегодня?

Рюу вздыхает.

– Рыбы, ма...

— — — — —

#

Джун моет деревянные ванны. Отдыху постояльцев ничего не должно мешать. Щётка стучит по стенам громче обычного.

— — —

#

Удивительно за какой короткий срок, Мичи привыкла к новому окружению. Они стали ей друзьями. Добрый человек в соломенной шляпе заботился о покинутом теле девушки. Огромный скелет любил разгадывать кроссворды. Два паукообразных создания, причмокивая, делились сюжетами снов гостей. Скромный водяной приносил ей горячие камни в знак симпатии. Молчаливая девочка рисовала её портрет. Они предлагали ей принять другую форму. Иногда хотелось обернуться птицей, распахнуть широкие крылья. Или взобраться по стене проворной ящерицей. Духи утверждали, что у неё получится. Мичи не поддавалась соблазну, изменить образ – признать себя мертвой.

– Почему Чио не изменит облик? – Мичи топчется у каморки. Войти туда не решается.

Чио заперта в этом теле.

Мичи представляет, как душа девушки мечется в оковах.

– Чио, – зовёт она, чуть приоткрыв дверь.

Тишина.

– Ты освободишься. Рюу спасёт тебя.

Что-то переменилось в Мичи. Она не может понять причины.

Родное тело лежит на циновке бледное, одинокое. Листы незаконченного романа веером раскинуты на столе. Как далеко, как давно...

Рекан меняет людей. У Мичи чешутся руки. Знакомое волнение охватывает пальцы. Сесть за стол. Выплеснуть на бумагу. Написать. О несчастной Чио, о спятившем Рюу, о незадачливой Мичи. Об отеле, где отдыхает смерть.

Слезы падают на белые листы. Чио плачет в темноте каморки.

– Ты готов, Рюу? – Госпожа касается плеча юноши.

– А ты готова? – он стоит полубоком у входа в женское отделение онсена.

Слетает кимоно. Она входит в горячие воды, манит рукой.

– Мы договаривались об одной ночи, – рот наполняется горечью. Рюу с трудом перебарывает желание подчиниться призыву.

– Солнце ещё не село, – воркует Госпожа. Чёрные волосы цветком распускаются по глади вод. Она наслаждается обжигающим теплом.

– Позови своего самурая.

– Он ничто без доспехов.

– Ты омерзительна.

– И все же ты не сводишь с меня глаз.

Она погружается в источник с головой.

Госпожа закончит омовение. Рюу подаст кимоно. Они поднимутся к девушкам, плачущим по обе стороны каморки. Все получится, твердит Рюу, проговаривает про себя план.

Из рекана доносится шум. Крики. «Мама», – узнает Рюу. Что-то случилось. Случилось именно сегодня.

Брат лежит у стойки. На рубашке расплзается пятно крови. Кровь капает с тонкого лезвия катаны.

– Воля Госпожи, – самурай кланяется Рюу. Он всего лишь слуга.

Рюу зажимает рану. Брат еще жив. Он стонет. Отец обнимает лишившуюся чувств мать. Позади Хакусана. Во взгляде ликование.

«Братик, я вырасту и буду, как ты. Смелым и сильным». «Мужчина должен защищать свою семью». «Ты влюблён, брат. Ты краснеешь, такой глупый вид». «Рюу, рекан наш дом, ты всегда будешь его частью». Младший, беспокойный, неловкий, следующий правилам. Преданный семье. Преданный Рюу. Заметающий за ним следы. Тянется окровавленной рукой, оставляет страшный след на щеке старшего брата. Заглядывает в глаза, ищет помощи. Он не обвиняет. Он никогда не скажет, что Рюу виноват.

Виноват. Во всем...

– Чтобы ты не наделал глупостей, мальчик, – с волос Госпожи стекает вода. Не облачилась в кимоно. Нагота как издевка над умирающим.

– Госпожа, – это Хакусана, ещё надеется.

– Нет, – госпожа слегка толкает Рюу ногой, – пойдём.

– Самурай вытирает меч. Ему велено сопровождать их.

Глава 9

Духи разбегаются. Порывом ветра, как только открывается дверь. Мичи вжимается в стенку.

Рюу входит, низко опустив голову. Его шатает. На лице кровь. Мичи слышала крики. Что же случилось внизу?

За ним возвышается человек в доспехах. Сжимает в руках меч. Мичи разглядывает его, забыв о страхе.

Последней появляется женщина.

Вот она какая... Изящные руки, маленькие ступни, тонкий стан. Томящий сердце взор. Кожа сияет перламутром.

Госпожа подходит к Мичи, берет за подбородок, поворачивает голову девушки из стороны в сторону.

– Мне нравится, Рюу. У тебя хороший вкус.

– Ты выполнишь свою часть сделки?

Палец Госпожи указывает в пол.

– Он умрет, если что-то пойдёт не так.

– Я согласен.

Женщина выгибается дугой. Откидывает волосы назад. Идёт к телу Мичи мягко, как кошка.

– Мичи... Ты бы прожила очень долгую жизнь, если бы не он. Знай это. Где другая?

Самурай выводит из каморки Чио. Седые волосы тянутся по полу. Она кутается в них, закрывает лицо. Дрожит, спотыкается на каждом шагу, подводят ноги. Самурай придерживает её за плечи.

– Останься с мальчишкой, – приказывает Госпожа.

– Не вмешивайся, – самурай навис над Рюу. Закрыл от Госпожи. Рукоять катаны обожгла ладонь. Она не заметила. Она давно не замечала своего самурая.

Госпожа разглядывает старуху перед собой. С отвращением скользит взглядом по морщинам, сжатым губам, скрюченным пальцам.

– Я совсем забыла тебя. Забыла, что была тобой. Ты всё не отпускаешь меня. Но на этот раз всего лишь миг. Краткий миг...

Комната вязнет в тишине. Чёрные волосы переплетаются с седыми. Это похоже на круги на воде. Рябь бежит по лицам обеих. Черты смазываются. Морщины оживают, ветвятся, покрывают обеих коричневыми прожилками. Затем отступают, изгоняемые белым сиянием. Свет окутывает, скрывает обмен душ. Девушка падает без чувств.

Старуха вытирает губы. Поворачивается к телу на циновке. Боль пронзает Мичи.

Тело заполняет чужая воля. Госпожа торопится исторгнуть свою суть, покинуть ненавистную древнюю плоть. Найти прибежище в желанной юности. Мичи мечется по номеру. Боль сменяется пустотой. Она смотрит на свои руки, сквозь них видно пол. Исчезает. Она исчезает!

Госпожа слегка отстраняется от тела Мичи. Сила, стремящаяся из неё, огромна. Снова разгорается слепящий свет. Не станет Мичи, будет лишь Госпожа.

Катана срослась с рукой. Свист стали подобен песне. Это поёт месть Рюу.

Меч пронзает старуху. Кровь не стекает по лезвию. Вместо крови тлен и прах. Тряпьё оседает на пол.

Самурай не обманул. Во время перехода, она всего лишь дух. Катана верного слуги не знает разницы между человеком и духом. Она сама вручила катаны своему самураю.

Он любил её. Он не мог видеть то, кем она стала.

– Рюу! – закричала Мичи и подскочила на циновке.

Рюу отбросил катану. Оба бросились к Чио, все ещё лежащей без сознания.

– Она жива? – Мичи спрашивает Рюу.

– Кто-то должен занять её место, – лицо его все также непроницаемо.

– Что? О чем ты?

– Смерть не может исчезнуть.

Мичи не верит ушам.

– Рюу, нет. Столько лет ты...

– Он сказал мне выбирать. Как всегда выбирать. Тебя я не мог обречь на такую судьбу.

Я итак использовал тебя, подверг опасности. Чио мечтала стать собой.

Он касается лба возлюбленной легким поцелуем.

– Теперь она будет вечно прекрасной.

Рюу обнимает Мичи, уводит прочь из сто третьего.

Мичи перешагивает порог. Замирает. До неё доходит только теперь. Проверяет каждую чётточку, каждый сантиметр кожи.

– Рюу? Я вернулась! Я вернулась!

Он находит в себе силы улыбнуться.

– Прости, что пришлось пережить весь этот ужас.

– Скажи лучше, это приключение! Я ведь вернулась...

– Мичи, брат умирает. Я должен быть рядом.

Они бегут вниз.

Веки Чио дрожат. Самурай подаёт руку новой Госпоже.

Глава 10

Чио осознаёт все. Себя в первую очередь. Тьма слетела с глаз, они распахнулись, очистились от мутной пелены слез. Сознание прояснилось.

– Рюу, – губы шепчут желанное имя. Её губы, только её.

Не Рюу преклонил перед ней колени. Она не боится слуги Госпожи. Не дрожит, не отшатывается от предложенной руки. Она ощущает силу внутри, холодную, спокойную, обволакивающую туманом.

Перед ней расстилается мир. Открываются тысячи дорог, повороты, переплетения. Люди идут по ним. Сердца как свечи. Впервые зажжённые, сгоревшие до середины, тлеющие огарки. Сердца тех, кто собрался внизу, на первом этаже рекана. Среди них одно, огромное, горячее, единственное важное ей. Рюу...

– Это твоя заслуга, ты победил, – Чио хочет, чтобы он услышал. Его сердце обливается слезами. Одна свеча погасла.

– Зонттик, тогда ты отдал мне свой зонтик. Сегодня ты отдал мне...

– Вечность, – подсказывает самурай.

– Что мне вечность без него?

Самурай снимает шлем. Он сед и стар.

– Ничто.

Печальный старец прав. Они с Рюу стали единым целым в день, когда он, вымокший до нитки, привёл её рекан. Не поцелуй, не первая ночь, но его зонтик и шаги под проливным дождём.

Чио поднимается. Самурай помогает, поддерживает, подаёт кимоно. Сила бушует в ней. Раньше Чио думала, что Госпожа само зло. Да разве назовёшь покой злом, наречешь им свободу? Посмеешь стихию вместить в рамки добра и зла?

– Отчего она не находила покоя? К чему ей рекан, ведь умиротворение в себе несла?

– Она жаждала того, чем с избытком владеешь ты. Оттого не знала покоя.

– Молодости?

– Нет, юная Госпожа, любви. Той, которую отдаёшь, не требуя ничего взамен. Любовь – весна души, любовь – истинное бессмертие. Ты узнаешь, когда полюбишь каждого, кого уведёшь за собой. Ты сумеешь дать им то, чего она не могла даже понять. Я помогу тебе в этом.

– Ты не покинешь меня?

– Со мной ли хочешь разделить это бремя?

– — —

#

Хакусана заперлась в комнате. Грудь горела, горло раздирает кашель. Она взяла с полки фото мужа.

– Ты ждёшь меня?

На стекло брызнула кровь. Фотография упала на пол, трещина разорвала алые капли на осколки.

Пальцы Хакусаны тянулись к дороговому лицу, но так и не смогли его коснуться.

Рюу скорбит у ног брата. Цена оказалась огромной. Чио предупреждала, напоминала, что придётся расплачиваться. Он думал откупиться своей жизнью. Ничьей другой.

Джун обнимает жену. Асу перебирает волосы младшего сына. Маленьким он любил положить голову ей на колени и рассказывать долгие истории. Она помнила все до единой. В них её мальчик непременно был героем, защитником.

Тихий, скромный, преданный дому. Верный. Ведь его так и звали, Нобуо, «преданный человек».

Мичи сидит рядом с ними. Она невольно стала частью семьи. Они воспринимают её одной из них, скованной общей печалью.

– Рюу, ты не виноват, – Асу утешает старшего, находя в этом утешение для себя самой.

– Я забыл, что играю со смертью.

– И все же ты обыграл её.

– Нет, она взяла своё. И не исправить...

– Рюу... Рюу... Рюу – раздаётся отовсюду переключки голосов.

Словно песочные часы перевернулись и песчинки взлетают вверх, подхваченные ветром. Духи окружают их. Источают золотой свет.

– Рюу, мы свободны! Спасибо, спасибо!

Рюу не поймёт, что происходит. Крохотными мотыльками улетают духи, растворяются под сводами потолка.

– Желание Хакусаны держало их долгие годы, обрекая на существование между мирами. Нынче пробил её час, они вольны уйти дальше.

— — — — —

В любимые глаза не насмотреться. Они тонут друг в друге. Чио облачилась в кимоно заботой самурая. Рюу вновь грезит видением лунного света.

– Чио... как ты прекрасна, – она подходит, он прижимается к её коленям, вдыхает аромат шелков, – Ты проводишь душу моего брата? Не оставишь его во тьме?

Пряча своё горе в одеянии любимой, он не видит, что она улыбается. Не видит, как в изумлении открывает рот Мичи. Как радостью светится отец. Как мать произносит одними губами, не веря ниспосланному счастью: «Нобуо, сынок!» Он молится явившейся к нему богине. Мысленно взывает к Госпоже Чио. Просит забрать его жизнь.

Смерть читает мысли людей. Чио читает сердце Рюу.

– Любовь моя, взгляни. Он сам нашёл дорогу к свету.

– Ты что, плачешь? – удивлению нет предела. – Что вы сделали с моим братом? Рюу, эй, Рюу!

Нобуо смеётся так громко, что точно перебудит весь рекан.

Глава 11

Асу хлопочет над младшим сыном. Мичи летает вместе с ней. Нобуо готов удрать от них, спрятаться за спасительной стойкой ресепшена.

Или не готов? У Мичи стройные ноги. С пола ракурс особенно хорош.

Нобуо краснеет. Радуетя тому, что Рюу поглощён Чио.

Они стоят за порогом. Двери открыты. Ночь дышит прохладой. Слышен разговор звёзд. В нем тоска. Нобуо вздыхает.

– Больно? – Джун ищет следы страдания на лице сына.

– Нет, папа. Странно... Посмотри на Рюу. Мама, Мичи, что-то происходит.

Чио целует руки Рюу. Она сияет. Свет, о котором столько твердил Рюу, теперь видят все. Они похожи на призраков. Туман тянется к ним, окружает прозрачной мантией. Самурай передаёт катаны Рюу. Юноша опускается на пол. Чио за ним. Сайкейрей. Самый почтительный поклон.

– Не вам кланяться, – самурай спешит поднять обоих.

– Мы в неоплатном долгу, господин, – одной рукой Рюу прижимает к груди Чио, другой катаны.

– Из всех живых и мертвых нет никого, кому я обязан больше, чем тебе. Не знаю, что вручаю с этими мечами, дар или проклятие. Но кто-то должен занять и мое место. Госпожа не может без верного рыцаря. Мое служение окончено, отныне ты пойдёшь с ней рядом. Я же отправлюсь искать мою Госпожу. В одном из миров я снова встречу её.

Самурай поднимает голову к небу. Раскрывает руки. Небеса звенят. Сегодня зажглись новые, яркие звёзды.

– Это души всех, кто жил и будет жить в нашем мире. В других мирах. Они откроются вам. Помните одно: где есть любовь, там не боятся смерти.

Лес бушует многоголосием листвы. Звёзды встречают древнюю жизнь. Почтительно расступаются, принимая в свои ряды усталого путника.

Рюу подходит к семье. Нобуо отстраняет мать, поднимается, тоска усиливается. Ему хочется закричать, как в детстве «братик», бросится к старшему брату на шею.

– Отец, позаботься о бабушке. Она у себя. Рассыпалась в прах, подобно другой старухе. Хозяйка рекана удостоена почести умереть, как Госпожа.

– Мама, я люблю тебя. Без тебя, я бы не справился.

– Брат, отель твой. Отныне вы простые люди. Я уверен, ты достойно распорядишься оставшимися годами.

С Рюу произошли неувовимые перемены. Он сделался выше, суровее, старше.

– Мичи, если бы боги подарили нам с Чио дочь, я бы хотел, чтобы она походила на тебя.

Ты тропа в будущее, Мичи.

– Я не хочу прощаться.

Мичи цепляется за рукава рубашки. Рюу обнимает девушку, целует в макушку.

– Рекан открыт в любое время.

– С тобой я тоже не хочу прощаться. Мне ведь надо как-то отомстить за вероломное посягательство на мое тело.

Сердце Рюу колотится. Быстрее, чем у обычного человека. Жар исходит от него.

– Увлекательная вышла история, не так ли?

Он подаёт брату знак, тот отводит Мичи в сторону.

Чио улыбается им. Почтительно кланяется Джуну и Асу. Мыслями она уже далеко. Звёзды указывают путь, доступный лишь двоим.

– Ты готов, возлюбленный мой?

– Готов...

Огонь в душе разгорается. Человеческое обличие Рюу тает. Рвётся связь с родными. Юноша бросает прощальный взгляд на мать. Рассвет похож на расплавленное золото. Туман обретает краски, озаряет свечением лес, поднимается к воспарявшему ото сна светилу.

Привязанности покидают Рюу. Все, кроме одной, к сияющей своей Госпоже.

– Нобуо, – он хватается за хвост ускользящие чувства, – подумай, с кем ты хочешь встать под один зонтик.

Голос его рокочет. В утренних лучах расправляет могучие кольца белый дракон. Склоняет рогатую голову к Чио, подставляет спину.

Асу чувствует, Рюу больше не её мальчик. Он нечто могущественное и неизведанное. Дух обрёл свободу.

Дракон устремляется ввысь. Ловит ветер, спешит к восходящему солнцу. Сливается с золотом.

– Выпендрёжник... – Мичи и Нобуо первыми обретают дар речи. Косятся друг на друга. Мичи делает шаг в сторону, оглядывает молодого человека с ног до головы.

– Рюу всегда был драконом, – говорит им Асу, – и, – вздыхает, – и выпендрёжником тоже. Меня волнует другое.

Туман рассеялся. Колдовство, окутавшее рекан, спало. На стойке визгливо задрезжал телефон.

– Как мы втроём управимся с гостиницей?

Глава 12

Мичи обходила сто третий, проводя рукой по шершавым стенам. Номер опустел. Духи покинули его, он выглядел заброшенным, одиноким.

Девушка села на циновку. Закрыла глаза.

– Если хочешь, можешь забрать с собой, – Мичи вздрогнула.

– Не бойся, это всего лишь я, – Нобуо возник на пороге, – Можно?

Он указал на циновку. Мичи подвинулась.

– Конечно.

Прошло три дня с золотого рассвета. Рекан кипел, как вода в онсенах. Асу и Джун спешно искали работников. Вакансии на любой вкус. Процесс обещал затянуться. Недовольные гости фыркали, хмурились, недоумевали. В одночасье идеальный сервис стал из рук вон плох. Безукоризненными оставались только завтраки и ужины. Асу не зря называла себя королевой готовки.

Нобуо дневал и ночевал на ресепшене, порой сокрушался, что смерть прошла стороной.

– Чем я могу помочь? – Мичи приставала к нему, чем вызывала у юноши ещё большую панику. Он краснел, бледнел, путал слова.

– Ты все-таки на отдыхе, – выдавливал еле слышно, избегая прямого взгляда.

Отдых. Лучший в её жизни.

– Я увезу с собой весь отель. Мне кажется, он теперь живет во мне,

– Мичи погладила циновку.

– Жаль, что не могу оставить хоть что-то на память о себе.

– Незачем, – быстро произнёс Нобуо, – то есть... я буду помнить о тебе. И эти стены тоже.

Он накрыл ладонью её руку.

– Я отвезу тебя в аэропорт.

– Спасибо, Нобуо.

Машина стояла за воротами рекана. Они шли по дорожкам, петляющим между деревьев. Молча. Мичи впереди, Нобуо позади с чемоданом.

«Подумай, с кем ты хочешь встать под один зонтик», сказал ему брат.

#Рюу всегда действовал импульсивно. Он мог отдать свой зонтик незнакомой девушке во времена, когда это значило больше, чем просто поделиться зонтиком. Когда это значило связь. Он мог влюбиться в незнакомку, разглядев её чистоту в холодных каплях дождя. Мог бросить вызов деспотичной главе семьи, мог победить смерть. Нобуо мерещилось его присутствие, плечо болело, словно сильная рука ударила, придавая сил. Призывала к действиям.

– Мичи, – начал он. За поворотом показались ворота.

Мичи не расслышала. Они молчали всю дорогу.

Нобуо проводил Мичи до стоек регистрации.

– Отец похоронил Хакусану. Точнее то, что от неё осталось, – мысли путались. Он посчитал, что должен поделиться этим.

– Правильно, – Мичи не нашла других слов.

– Ты думаешь, он придёт к нам? Рюу. Станет приходить каждый год, как было всегда.

– Нет. Он счастлив.

– Что ж...

Она поцеловала его в щеку при прощании. Он не удержал её.

#

— — — — —

#

Токио шумел девятью миллионами жизней. Бурлил, кричал, смеялся, плакал. Переливался огнями, гремел музыкой. Бежал на работу. Бежал с работы. Спал на ходу. Давил громадами небоскрёбов. Мичи не видела его суеты, ей грезился серебряный туман, молчание северных гор, дыхание онсенов.

Вечерами она открывала ноутбук, пальцы порхали над клавиатурой.

Писалось легко. Стоило только прикрыть веки, герои появлялись перед взором. Добрая Асу. Сдержанный Джун. Властная Хаскусана.

Госпожа. Страшная, запутавшаяся, забывшая предназначение. Самурай, ни на мгновение о предназначении не забывавший. Чио, нежная, хрупкая, сильная, любящая. Рюу. С его кривоватой усмешкой. Нервными пальцами. Сердцем дракона.

И она. Капризом судьбы она оказалась в рекане, где отдыхала смерть.

«Хорошее название. Рекан, где отдыхает смерть».

Мичи с любовью описывала духов, окруживших заботой ревущую девушку. Кожей ощущала тепло источников. Душой единство с загадочным миром, приоткрытом ей и никому более.

Она старалась сохранить его, не растратить в бушующем вихре токийских будней.

#

— — —

#

Нобуо выслушивал гневную тираду гостя, когда на экране загорелся флажок нового бронирования.

Номер люкс.

– Сто третий. На сутки, – прочитал помощник.

За год семья справилась. Рекан с древней историей привлекал сотрудников особым очарованием. Высокая ставка заработной платы обещала стабильность. Сервис вернулся на привычный уровень. Сезон в разгаре.

– Мы не селим в сто третий на сутки, – отрезал Нобуо. Взгляд упал на имя гостя.

– Подтверждай.

— — — —

#

Нобуо насчитал семь чемоданов.

– Кое-что пришлось оставить, – Мичи тащит восьмой.

– Ты забронировала сутки, зачем так много вещей?

Мичи роется в чемодане. Оборачивается. В руках бумажный зонтик.

– Я приехала остаться.

Эпилог

Ночь свежа. Осенью небо низкое, звёзды тусклые. А может, зрение не даёт разглядеть их свет?

Нобуо опять взял её очки. Не взял. Нобуо нет вот уже пять лет.

Вчера старший внук сыграл свадьбу. Красное одеяние невесты нисколько не потускнело. Расшитое журавлями. Они принесут молодым счастье. Без сомнений.

Мичи сидит в плетённом кресле, закутанная в плед. Её не тревожат домочадцы и гости отеля. Всё будто в пелене.

Туман ползёт со склонов гор. Касается чуткими пальцами лица Мичи. Давно не виделись, старый друг.

Он опускается мягко. Огромный дракон, сотканный из туманных нитей. Оборачивается юношей в изысканном чёрном кимоно. Ведёт за руку девушку в белых шелках. Их поклон глубок. Её счастье безмерно.

– Ничуть не изменились, все также кланяетесь всем встречным, – Мичи смеётся, но выходит треск.

– Ничуть не изменилась, все также не умеешь шутить, – родной голос песней отзывается в душе.

– Я увижусь с Нобуо?

– Он ждёт тебя, Мичи.

Подать ему руку тоже, что вернуть молодость. Взглянуть в её глаза, что окунуться в любовь.

#– Ты написала дивную историю, – шепчет Рюу, – Мичи, прокладывающая тропы.

– Пришло время отдохнуть, – с нежностью вторит Чио.

Рекан остаётся далеко внизу.

Биение сердца под сверкающей чешуёй убаюкивает. Госпожа накрывает плечи мягким шелком. Мичи не боится. Где есть любовь, там не боятся смерти.

Дракон летит в россыпи звёзд.#

БАШМАКОВА АННА

«Нити времени»

Краткое содержание.

Смысл жизни в том, чтобы передать информацию будущим поколениям. Так всегда говорила и говорит мама. Когда она начала изучать историю нашей семьи, мы смеялись над этой казалось безумной задумкой. Так происходит всегда. Семейная система одновременно стремится к развитию и сопротивляется ему. Но мама не сдалась нашим насмешкам, она объездила архивы в разных городах, заказывала справки, находила данные, которые были утеряны, переписывала, систематизировала, оцифровывала дневники моего прадеда, бабушки, дедушки. А я решила написать сагу.

Моя история семейной саги относится к временному промежутку с конца XIX века по настоящее время и описывает поколения, начиная с моего прадеда по материнской линии. В основу повествования взяты данные из дневников и архивов, собранные мамой на протяжении последних десяти лет. Имена полностью сохранены. Целью данной семейной саги для меня является выявление и проявление ценности, талантов и силы, которую даёт род и земля, и передача этой информации последующим поколениям.

В конце XIX века семья Коваленко со всеми пожитками и всем составом переезжает из села Великие Старицы на юге Украины в северный Казахстан, и вместе с другими односельчанами основывает село Константиновка. Примерно через полгода рождается Пётр Сидорович Коваленко, мой прадед, с которого и начинается история саги. По прошествии времени дочь Петра Коваленко, моя бабушка с семьёй, возвращается в Украину, где родилась я. В саге отражены не только внутренние конфликты семьи, но и исторические события того времени, их взаимосвязи и влияние на нынешнее поколение. Главные герои саги – мой прадед, бабушка, мама и я. Написание саги для меня – проявление информации, заложенной в ДНК моими предками. Почему мы именно такие, какие есть? Ответ на этот вопрос внутри нас, в нашей уникальной ДНК. История моей семейной саги о прошлом, настоящем и будущем, об истинной сути и свободе быть собой.

Посвящается маме и бабушке. Спасибо за силу, которая есть во мне благодаря вам.

Пролог. Начало

Разрывали меня руки мужские сильные, убивали меня в телах отважных и не сдающихся, жгли в кострах, топили в болотах, но передавали меня уста женские мягкие, в колыбельных ласковых, в рассказах тихих, в поцелуях и молитвах материнских. Никогда не сгубить меня, вечно жить я буду в двух нитях переплетающихся, все живое на земле создающих. И ценность мою не сравнить с золотом и алмазами, ищут меня везде, и не догадываются, что повсюду я есть, в каждом действии, в каждой буковке, в каждой слезинке. Нет мне определения, ни энергия я, ни материя. Называют меня информацией, всеобъемлющей, из уст в уста передающейся.

XIX век, начало истории семьи Коваленко

– Ой, горяшки, шо творится то! Деревня горит! – поднялся бабский вой из полей.

Лето жаркое, душное стояло, 1844 год. Двое молодчиков смекнули трубку покурить на сеновале. Нежданно ветер налетел и понес искру по домам да хозяйствам. Церковь деревянная и та слегла при пожаре. Благо без жертв обошлось. Следователь из города приехал, а толку то, что с них возьмишь, с пацанов, документ написал и подался восвояси. Народ покумекал, прошение со всеми подписями составил к царю, дабы денег дали на церковь новую. Традиции соблюдать надо бы, дескать пусть присылают батюшку, дом выстроили ему, содержать обязались. В прошении том и подпись Коваленко значится.

Уж не знаю чем история с церковью закончилась, но Великие Старицы село древнее, казацко-крепостное, поговаривали, что в земле той Соловей-разбойник покоится. Помаленьку восстановились.

С тех пор прошло без малого годков пятьдесят, женился Коваленко сын, и собралась семья его далёкие земли заселять, в Сибирь.

– Поехали, – говорит, – жёнушка моя, там и земля нам будет, и условия. Чай и детям нашим будущим лучшее житьё.

– Ох, боязно мне в такую даль ехать, в дорогу сложную. Здесь родное всё, сердцу милое.

– Так не одни ж мы едем, многие. Не печалься, все путём сложится.

Делать нечего, собрались и поехали, на лошадях добирались, с хозяйством и всеми пожитками.

По приезду основали село Константиновка, церковь построили, батюшку выписали. И в январе 1897 родился сыночек у Сидора, Петром назвали. На селе школа была, церковно приходская. А отец с матерью у Петра безграмотны были, не пускали его учиться, мол учебой сыт не будешь. Учитель к ним навевывался, уговаривал, дескать грамотный малый, надо бы в школу. Родители рукой махнули, пушай делает что желает. А Петр чего? На родителей глядит, других дорог не знает. И не стал учиться, помогал в поле да по хозяйству.

1990 год, начало истории Анюты

Анюта лежала на бабушкиной кровати и старалась прочитать названия книг, не поворачивая голову. Перед ней стоял огромный деревянный стеллаж, на котором каких только книг

не было. Полки прогибались под тяжестью бесценной информации, подаренной миру великими классиками русской литературы. На верхних этажах занимали почетное место Пушкин, Толстой и Гоголь. Посередине соседствовали Чехов, Тургенев и Лермонтов. Чуть пониже Корней Иванович и Самуил Яковлевич делили место с огромными томами в твердом переплете, повествующими о съездах КПСС. Там же была коллекция роман-газеты и мифов древней Греции, которые так любила Аня.

Мария Петровна была учителем русского языка и литературы в местном профтехучилище.

– Бабуль, ты мне считаешь?

– погоди немного, допишу дневник.

– А ты зачем дневник пишешь?

– Чтобы тебе потом интересно было читать. Мой отец тоже дневники писал.

– Это деда Петя?

– Да, твой прадед. Он был очень грамотный, хоть и не учился в школе.

Аня закрыла глаза и слушала звуки ручки, скользящей по бумаге, и шелест исписанных листов.

Глава 1. Часть1. Прадед

Солнце подбросило монетку. Решка! Анята подставила ладошку лучикам и улыбнулась.

– Вставай, соня, сегодня жаркий день будет. Пойдем на дачу пока не пекло.

– Бабуль, а ты мне расскажешь про деда Петю?

– Вставай, завтрак на столе.

Они шли по тропинке вгору. Анята не любила дачу, дорога через кладбище пугала своей тишиной и прохладой старых могил. Девочка старалась не поднимать глаза и знала все камушки и веточки на пути. В тот день она так заслушалась рассказа бабушки, что почти перестала бояться.

– Прадед твой, Пётр Сидорович, читать умел, но в школу не ходил, первый класс только. Много читал. Все, что под руку попадалось, сказки, рассказы, жития святых. Три года ему было, когда отца Сидора на военную службу призвали, Японскую войну. Семь лет служил, ранен был, потом домой вернулся.

Немного погодя задумал Сидор в тёплые края переезжать, на юг Казахстана теперешнего. Ехали на лошадях 6 недель. По приезду продали лошадь с телегой, купили корову и хлеба. Нанялись сено косить, скот пасти. Петя бесплатно работал, отцу помогал. Боялся его страшно. Случай был зимой, 11 лет парнишке. Поехал за мякиной, а мякина мёрзлая была, воткнул железные вилы, немного повернул и один рожок пополам переломился. Воспитывали мальчика очень религиозно. Читал Петя про деяния святых, и про чудеса ими творимые. Решил тоже чудо совершить, уж больно отца боялся. Приложил отломленный рожок к вилам будто они целы, стал на колени и давай усиленно Бога молить со слезами на глазах, чтобы рожок сломленный прирос. Очень долго молился, все молитвы перечитал по несколько раз. И, несмотря на усердные молитвы, вилы все же не срослись. Когда домой приехал, отец устроил Пете хорошую трёпку.

Подхватила, закружила потоком река бурная в холодных водах своих, в водоворотах жизненных, где коряги цепляет, где о камни подводные бьёт. Казалось – забылось...

Глава1. Часть2. Анята и Бог.

Уж неделю Аня ходила сама не своя, как узнала про распятие Христово. Все сильнее прижимала гвоздь к ладони концом острым, пока совсем больно не стало. Никому ничего не сказала, ни бабуле, ни мамочке. Словно что-то переменялось в жизни шестилетней девочки от осознания этого. Как люди могут быть жестокими? Как мог человек выдержать такое? Кто такой Бог Анята не понимала. Тогда впервые она чувствовала боль, не физическую и не душевную, а какую-то глубокую, неосознаваемую, чужую. Тогда впервые страшно стало. Анята не могла читать и смотреть, словно сама в этих моментах жила, душой и телом. Не знала она Бога, обычного человека видела, как страшно ему было, как больно. А про себя думала как можно было избежать этого. И только уж когда совсем взрослой стала, поняла Анята, что не может человек

самого себя предавать, какими бы пути извилистыми не были, не свернуть ему с искренности душевной и любви, коли уж найдешь её в себе, не потеряешь.

Был у Анюты плакат с Девой Марией и Иисусом над кроватью. Пряталась девочка от мамы, боялась, что ругать будет, а сама на колени падала и просила, обо всём на свете, но больше о простом, чтобы учиться хорошо, и чтобы мама не плакала, и чтобы бабушка не болела. Искренне верила, всем сердцем.

Уносила река воды времени, стирала память из сознания, водопадом летела в будущее детей и правнуков. Может и не забылось вовсе...

Глава2.

Часть1.

Первая мировая война.

Сознание имеет границы, не даёт сойти с ума, бережёт психику, сохраняет жизнь. Сознание не всесильно. И до сих пор оно помнит войну.

Первая мировая застала Петра Сидоровича Коваленко в возрасте 18 лет от роду. На призыве даже раздевать не стали, спросили здоров или болен, по итогу взяли всех. Отправили на учения, песни петь, строем ходить. После определили в маршевую роту для отправления на фронт. Стали учить стрельбе, тактической обороне, наступлению, словесности. Зубрили титулы от определенного командира до царя и царёвой семьи. Кто не мог ответить, того солдата заставлял офицер залезать на верхние нары и кричать: «Я – дурак! Я – дурак!» пока офицер не натешится.

Всякое бывало. Очень впечатлило Петра телесное наказание, как одного солдата розгами отхлестали за дезертирство, а потом на гауптвахту на месяц посадили.

В феврале 1917 вдруг зашёл в казарму ротный командир, взволнован, со слезами на глазах: «Братцы! Есть очень важная новость. Царь отрекается от престола в пользу своего брата Михаила. Государственная дума взяла власть в свои руки по управлению государством. Теперь дело пойдет лучше. Скоро окончим войну. Измен никаких не будет, так, как делали царские министры: вместо снарядов посылали сухари, и наоборот.» А солдаты от этого объяснения как дурные были. Как можно без царя жить?

На второй день новость пришла, что брат царя Михаил отказался сесть на престол, государственная дума организовала временное правительство.

Фронт, немецкий плен, побеги, лагеря, болезни, голод. Что ещё может выдержать сознание молодого парня, лучшие годы своей жизни отдавшего на верность растерзанной стране? Домой! Только бы добраться до родного дома. Но дома гражданская война. И нет ничего впереди, неизвестность, страх. Ждёт ли кто? Живы ли? Ни о чём не думаешь, только бы поесть, только бы эпидемию какую не подхватить. Сознание выстраивало крепость, крепкими стальными прутьями обшивала сердца и души людей. Петр Сидорович прошёл первую мировую от Берлина до Енисея, ему было 26 лет, когда он вернулся домой.

Глава 2. Часть 2. Мысли про войну.

Анюта смотрела как зачарованная на огромный плакат в магазине. Танки там нарисованы, звёзды, и надпись «Великая отечественная война 1941—1945». Спросила у мамы что за война и кто победил. Мама сказала: «Мы победили, Советский союз». Очень впечатлилась Анюта, на всю жизнь тот момент запомнила, гордости, победы и какой-то очень глубокой всеобъемлющей грусти, что грудь в тиски зажала, аж дыхание на секунду встало.

После войны надумал Пётр жениться. Одну взял в жены, пожил полгода, ушла к родителям. Вторую, тоже разошлись. Третья, четвертая, пятая, не складывалась никак жизнь семейная. Пётр уж и рукой махнул. А через время засватал служанку у немца-колбасника, вдову Липу, с дочерью.

– Бабуль, а сколько у вас детей в семье было?

– Семеро. Я первая у отца, Ольга старшая по матери, очень дружны с ней были. Отец её как свою воспитывал. У меня одной из всех детей глаза темно-карие, почти чёрные, папины.

– А ты на войне тоже была?

– Медсестрой служила в госпитале. На фронт не пустили. Война началась я только школу закончила, на медсестру выучилась.

Был случай как-то в госпитале. Мужик в мельницу попал. Привезли, живого места нет, все медсестры поразбежались. А я будто на автомате сделала всё как учили, до приезда врача. Жизнь спасла.

Анюта слушала и мечтала такой же стать, героический поступок совершить. Хотя кто знает в чём тот героизм заключается. Прадеды её и деды на амбразуру не лезли, жили как умели. Война она на что? Прадед на курсы агитаторов ходил, представители разных партий про историю России рассказывали, про демократию. Чего сказали, то и другим передали, агитировали. Так и воевали, за что, про что, кто разберёт. После войны хозяйство вели, Петр Сидорович печи клал казахам, обувь кожаную шил. Жена его Олимпиада вязала да пряла, детей растила. Может дела эти и есть подвиг великий..

Отзывалось эхо от стальных щитов, сознанием выстроенных. Хоронили в темные могилы чувства разные. Думали пройдет, забудется, без следа исчезнет.

Воскресали! Глухими слезами к сердцу пробивались, места отвоёвывали в душе, в теле, в разуме...

Глава 3. Часть 1. Отношения

Поговорите! Выясните! Разберитесь! Решите! Сделайте! В отношениях и спорах меня всегда много, бессмысленным неосозанным потоком я поднимаю из глубин тайны, навсегда разрезаю тонким лезвием судьбы, увожу за собой в любовь и ненависть. В молчании тягостном я – гильотина, поднятая над головами времени, уходящая в землю холодную, скрытая в чертогах разума.

Прадед.

Во вторую мировую мобилизовали в армию, в особый запасной полк, где служил писарем, затем кладовщиком военного склада. Когда в разведку ехали на машине, в аварию попали, перелом ноги был. Так из госпиталя и демобилизовали в 1945. Приехал домой, дети в грязи у дома игрались. Смотрят, идёт, улыбаясь, какой-то высокий, худой дяденька с палочкой. Он погладил всех по волосам, раскрыл сумку, вытащил оттуда что-то темное и сказал: «Ешьте!» Это был высохший кусок настоящего хлеба. Его, хлеб, дети видели впервые. Потом сказали им, что дяденька этот – их папа. Пётр всех по очереди целовал и поднимал под потолок, а дети стеснялись его, но уж больно им это нравилось.

Пётр с детьми сблизился, окружил их любовью и заботой. Как-то ночью с женой разговор вели громкий, о будущем детей. Тогда он впервые прикрикнул: «Липа, я знаю, что такое жить без поддержки и без профессии. Кто из детей захочет учиться, мы будем помогать, даже если нам с тобой ничего не будет оставаться». Все его дети, несмотря на то, что были на грани бедности среди ровесников по учебе, получили специальность. И это им здорово помогло в жизни.

Анюта.

Анюта проснулась от громких голосов и сразу поняла, что опять бабушка с дедушкой ругаются. Повернулась на другой бок, подушкой голову накрыла, чтоб не слышать. Смысл она не понимала, но знала, что утром бабуля вновь начнёт про деда всякое плохое говорить. Анюта часто на ночь у бабушки оставалась, и днём после уроков приходила. Деда она боялась и не любила, всегда на стороне бабушки. Был ли у неё выбор? Кого ей было слушать?

Пыль в глаза, ветер закладывает уши, забивает рот мелкими песчинками. Они повсюду, между зубов, на языке, гортани. Не сплюнуть, не промыть никак. Глотай! Ешь этот мерзкий песок! Давись ядовитой ложью...

Глава 3. Часть 2. Обида

Мальчик одиннадцати лет что есть силы колотил в дверь своего дома.

– Мама, открой, пожалуйста, мама. Я не хотел. Я не знал. Прости меня.

Обессилев, он медленно сполз на землю и зарылся головой в колени. Слёзы смешались с грязью, оставляя темные мазки на тощем лице.

– Ты мне больше не сын. Ты – предатель. – охрипший голос матери навсегда впечатался в память.

Мальчик поднялся и, шатаясь, пошёл по дороге от дома.

Через несколько часов его мать вывели под руки двое солдат. Больше её никто не видел.

Анюта проснулась с щемящей болью в груди, как будто ей приснилось что-то очень важное, что она никак не могла вспомнить. Голос мамы окончательно вернул в реальность. Девочка сегодня наказана. Никаких прогулок с друзьями. К горлу подкатывал комок несправедливости. Как мама могла поверить чужой лжи? Ведь Анюта ничего такого не делала, о чём говорили соседи. Её там вообще не было. И ещё этот дом со стариками. Видите ли громко дети играют, шумят и спать не дают. А главный у них, конечно же, Анюта. Прямо вождь краснокожих. Девочка безуспешно пыталась доказать маме, что она ни при чём. Но маме, наверное, важнее мнение других, чем слёзы собственного ребенка. Анюта просидела дома весь день, с грустью смотрела в окно на играющих друзей, и с удивлением обнаружила на стекле маленькое пятнышко, в котором все становилось другим, расплывчатым и смешным. Девочка смотрела в него и думала, что когда они уедут, она никогда больше не посмотрит в это пятнышко на дома и деревья во дворе, что вот этот момент единственный в её жизни, и очень-очень важный. Тогда впервые в жизни она ощутила внутри черную дыру, место, где ответы на вопросы заканчиваются. Погружаться туда сознанием Анюте нравилось, она летела словно на космолете все дальше и дальше, где заканчивается планета земля и солнечная система, в темноту, из которой возникали и гасли вопросы, словно далёкие звёзды на безоблачном небе. Странно приятные ощущения накалялись до определенного предела, когда страх становился сильнее и неизвестность покрывала космолет. Тогда терялся контроль и Анюта вновь становилась девочкой, смотревшей в маленькое пятнышко на стекле.

Глава 4. Бедность и честность

Связаны прочно, в клетках прописаны.
Просто энергия, просто запросы:
Смерть, страхи, счастье, голодные слёзы,
Долг, жизнь, любовь и богатые грёзы.

1956 год

После войны Пётр Сидорович работал бухгалтером. Экономика страны ползла вверх, стали появляться многие товары, но насытить сразу изголодавшийся народ огромный страны было просто невозможно. Из-за дефицита в торговлю пришли преступные деньги. До сих пор помнит дочь Петра Сидоровича письмо из тюрьмы, написанное его дрожащей рукой. Всего пара строк: краткое объяснение где он, и просьба принести 3 руб и пачку папирос.

Огромное серое здание и маленькое помещение внутри. Посередине стоял грубо, но крепко сделанный стол, прикрепленный к полу, весь исцарапанный, изрезанный и испи-санный. С двух противоположных сторон такие же недвигавшиеся грубые скамейки. Больше ничего.

Их было трое: прадед Анюты, его дочь и следователь. Пётр Сидорович не мог говорить, потому что все время плакал. Когда следователь усадил его за стол, он опустил голову и стал плакать ещё сильнее, навзрыд. Его голова ударялась о тот ужасный стол. Следователь никого не успокаивал, только сказал потом: «Твой отец, девочка, ни в чём не виноват. Преступление сделали другие, а подставили его. Завтра он будет освобождён.»

Нахождение в тюрьме сильно изменило Петра Сидоровича. Его восстановили на работе, выплатили все, что нужно, извинились, но, как только пришло время, он вышел на пенсию. Судебный процесс над настоящими преступниками был громким, они получили хорошие сроки, но Пётр не радовался и категорически отказался появляться в зале суда.

Имя Петра Сидоровича Коваленко навсегда останется в истории поколений его рода как человека честного и порядочного.

1990 год

Анюта смотрела на крутящийся волчок с зигзагами на боках. Удивлялась тому, как меняются узоры во время движения. А если покрутить в другую сторону, получается еще интереснее. На душе было беспокойно: вроде бы радовалась игрушке, но в тоже время и нет. Странно. Девочка успокаивала себя, что волчок точно был ничейный, он просто лежал на прилавке. Анюта долго была в магазине, но никто не забирал игрушку. Вот она и взяла. Нет, не украла. Анюта прятала волчок от родителей и бабушки, но играть в него вскоре перестала.

2018 год

Аня проснулась утром с тупой болью в груди от осознания того, что она боится мужа. Слишком много было лжи с её стороны.

– Нам надо поговорить. Знаешь, я только утром осознала, что боюсь тебя. – Аня сидит на скамейке в маленьком сквере и плачет. Поток людей спешит на работу к метро. Прохожие невольно останавливают взгляд на странной женщине в слезах и мужчине, молча смотрящим в пустоту.

– Я не понимаю. Ведь я никогда не давал тебе повода. Почему ты боишься меня?

– Я не знаю. Понимаешь, мама всегда говорила, что мы честные и поэтому бедные. Я боюсь, что ты будешь кричать, что можешь ударить. Я знаю, что ты никогда, я не понимаю откуда этот страх. Я пошла учиться на банкира, думала у меня будет много денег. А могла бы стать стоматологом. Мой дядя был стоматологом. Ну ты же все это знаешь. Мама сказала, что я не смогу, что честность у нас в крови. Я с этой честностью уже сама ничего не понимаю. Можно же как-то честно и чтобы деньги были. Но я не знаю как, не знаю. И я боюсь. Что останусь одна. Что ты будешь кричать, бросишь меня. И я не выдержу. И умру.

– Господи, Аня, что за глупость?

– Я не знаю. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю. Ладно, все, мне на работу пора. Перестань реветь. Успокойся.

– Угу. – Аня продолжала всхлипывать.

Мужчина ушёл, а она ещё сидела какое-то время и вспоминала, как считала копейки на проезд в институте, как делает это сейчас, как часто её кошелек становится пуст, вспоминала как донашивала вещи за старшим братом, как привыкла жить бедно. Привычку можно поменять, Аня это понимала. Но у неё никак не получалось. Зато честно...

Кто-то осуждает, кто-то одобряет, внешние оценки всегда слепы перед внутренним. Будет ли тепло на душе от лжи? Будет ли сытно в теле от воровства? На все есть свои причины и следствия. Свободен лишь тот, кто оценивает себя и свои поступки. Силу имеет лишь тот, кто способен на это.

Глава 5. Любовь

Сила её великая в сердцах людей множится. Мудрость её в вечности. Глубина её в чувствах. Боль её в разуме. Невозможно скрывать, непосильно лишать, взрывает миры, проявляется в омуте, льётся чистым дыханием. Любовь...

1989 год

Вечером Анюта с бабушкой рассматривали старые чёрно-белые фотографии. Вот свадьба мамы с папой, вот Анюта. А это кто? На фотографии красивый молодой парень играет на гармошке. Рядом расположились немногочисленные слушатели. Радость и веселье искрятся от обычной выцветшей бумаги.

– Это твой дедушка Костя. Он всегда был красавцем, женщины его любили.

– Как это любили, бабуль? А тебя разве не было?

Бабушка засмеялась.

– Мы с твоим дедом в одном селе родились. Даже в одной бане.

– В бане? – удивилась Анюта.

– Раньше в банях детей рожали. Так вот мы с дедом родились в один год, только он в начале лета, а я в середине осени. Мама моя, когда баба Поля беременная дедом была, знала, что мальчик родится и мужем мне станет.

– Как это знала? Откуда?

– А вот так. Вырастешь, поймешь. Встретила бабу Полю, на пузо показывает и говорит мол мужа моей дочке будущей носишь. Так и получилось. Хоть мы с дедом до войны и знакомы толком не были. Я после в институте училась в Алмате, а дед в Новосибирске. У меня любовь другая была. Письма друг другу писали. Про деда я и не думала. Он ведь на другой женат был.

– Да? А я думала, что если женятся, то навсегда, как мама с папой.

– По всякому бывает, внученька. Война закончилась, много мужчин полегло, а дед твой красавцем был, на гармошке играл, а песни какие пел, голос у него с детства сильный.

– Но вы же с ним как-то полюбили друг друга.

– Давно это было, мама твоя уж родилась, после поженились. У деда характер сложный. Хоть и красавец, да с лица воду не пить, внутри главное чтобы гармония и любовь была.

Анюта задумалась, как все сложно у взрослых однако. Но красоту в себе искать начала.

– Бабуль, а я красивая?

– Ну, конечно, красивая. Самая, самая.

Анюта почему-то не верила. И решила, что нужно обязательно красивой быть, чтобы любили.

1992 год.

В соседнем дворе Анюте было интереснее, там установили новые горки и качели. Столько много игр дети придумывали, когда появилось что-то большее, чем столы со скамейками и деревья акации. А ещё Анюта любила там гулять, потому что в том дворе жил Даниил, новенький в их 4 «Б». Говорили, что его мама была актрисой и они приехали из Москвы.

Анюте это странное ощущение в груди было приятным, оно уносило её в какую-то глубокую теплоту и нежность, хотелось снова и снова возвращаться в это приятное чувство. Они играли вместе после уроков. Белокурый мальчишка был отличником в классе и, конечно, нравился не только Анюте. Но девочку это не волновало, ей было интересно с ним играть, она просто наслаждалась мгновениями. Анюта хорошо помнит, когда весь класс в мае выстро-

или перед школой фотографироваться. Даниил стоял на ступеньку ниже её, солнце нагрело его волосы и все девочки клали ладони на голову, чтобы почувствовать тепло. Анюта долго не решалась сделать как все. Но потом сдалась. Секунда прикосновения руки к волосам мальчика навсегда запечатлелась в сознании девочки, которая впервые узнала, как можно любить безусловно.

Любовь, словно бурный поток.
Любовь, будто тихая речка.
Плывёт и поёт через нас
Божественную тонкую песню.
В каждом мгновении сна,
В каждом дыхании дня
Любовью наполнены души.
Прислушайся...

Глава 6. Путь домой

Тропинка к дому всегда одна. Какие бы ни были дороги, тропки и магистрали, переулки и шоссе, тропинка к дому милее всех путей. В ней сила и тайна, любовь и воспоминания. Она во сне и наяву. Обволакивает, успокаивает, ведёт к истокам. Родная, сердцу милая земля.

Возвращение в Украину.

Мария Петровна Журова, в девичестве Коваленко, после окончания казахского государственного университета уехала с дедом Анюты в Новосибирск, где шло активное строительство ГЭС. Константин Демьянович Журов после института возводил гидроэлектростанции по всей стране. Вскоре семья переехала в Днепропетровск, а после в Канев.

Восстановление разрушенной после войны страны шло огромными темпами. Строились города, заводы, электростанции. Маленький городок Канев в Черкасской области Украины процветал. Каневский электромеханический завод «Магнит» был основан в 1969 году и подчинён Министерству радиопромышленности СССР. Сотни людей трудились на «Магните». В городе возводились новые дома, школы, детские сады и объекты культуры. Перспективы развития манили в Канев новоиспечённых специалистов из разных институтов страны, в том числе и родителей Анюты.

Прекрасный город на берегу Днепра, где покоится известный украинский поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко, был основан ещё в 1078 году. Канев имеет древнейшую историю, и до сих пор его земля хранит в себе память и дух того времени.

Тропками Канева любила гулять и Анюта. Однажды мама повела дочь по тому самому старому кладбищу, дорога через которое шла на дачу. Старые могилы с крестами и надгробиями, древнейшая символика, сочетание язычества и христианства. Прохладный воздух, звуки природы. Анюта всегда боялась смерти. То кладбище позже станет ключевым в снах девочки. Интересно, дойдет ли Анюта до открытия тайны его образа?

А ещё был туристический кружок, когда Анюта ходила в походы, пусть даже на один день, училась вязать морские узлы. Какие же в Каневе леса, поля, горы, и, конечно, Днепр!

Здесь всегда есть место для глубокого сна, в который погружаешься отдохнуть от энергии больших городов. Древней магией пропитана земля, где смешиваются энергии солнца, воздуха и воды.

Канев был и есть для Анюты особенным городом, она возвращается туда снова и снова, наполниться энергией и силой, надыхаться любимым воздухом. Маленький, уютный городок, в который хочется укрыться как в мамины объятия, и замереть. Чтобы надолго осталась эта защита родины. Чтобы вновь почувствовать себя маленькой девочкой, которая изучает мир вокруг. Чтобы пробежать с папой ещё один круг на школьном стадионе, рассматривать звёзды на ночном летнем небе, и мечтать дотронуться до них рукой.

Такой прекрасный Канев, который подарил миру Анюту.

Глава 7. Поиски

Слушая голос, доверяя мелодии, ищу.. Верно ли, правильно ли.. Убегая от страха по кругу, иду.. В прошлое ли, в будущее.. Ищу..

2006 год, Москва

Анюта нервничала. Не хотелось все бросать. В Москве девушка жила пятый месяц, а тут Новосибирск нарисовался как снег на голову. Командировка на всю зиму, в Сибирь. Ааа!!! Что она знала про Новосибирск? Ровным счётом ничего. Мама говорила, что там родственники какие-то есть, но Анюта не вникала.

Вечером прибежала Нинка с уже готовым планом действий.

– Так, подруга, сейчас мы тебя с парнем познакомим из Новосибирска. Узнаешь хоть чего бояться. Морозы там суровые, наверное. Что головой мотаешь? Открывай ноут и аську запускай.

На следующее утро Анюта проснулась в прекрасном настроении с уверенностью, что Сашка будет её мужем. Ближайшие две недели были проведены онлайн.

2006 год, Новосибирск

Она обещала ему борщ на первом свидании, поэтому готовку начала за три часа до назначенного времени. Ровно в 19:00, ну может чуть позже, Анюта впервые увидела голубые глаза Сашки. То, что от неё пахло луком, стало известно уже после свадьбы.

Три недели бессонных ночей закончились фразой, которую так ненавидят многие девушки.

– Испугался значит, – подытожила Нинка, успокаивая Анюту по Скайпу. – Ответственности боится. Ещё бы, другая страна. Ладно, подруга, держись, вернёшься, все устроим.

Он приезжал. Она ждала. Нелепые поводы всегда находились. Но утром он уезжал, а она плакала.

2007 год, Канев

Месяц в Каневе подходил к концу. Родители нервничали. Каждый день их девочка смотрела на билет в один конец по маршруту Киев – Новосибирск и боялась. Её никто не ждал и не приглашал. Разве что договорилась первое время пожить у родственников. Сашка не писал и не знал про её планы вернуться. А вдруг не получится? А что если у него уже другая? Но если сейчас не попробовать, то потом всю жизнь жалеть об этом..

– Пристегните ремни. Через пять часов наш самолёт приземлится в аэропорту Толмачёво города Новосибирска.

– У меня есть ещё пять часов. – пробормотала себе под нос Анюта.

– Что Вы сказали? – переспросил парень на соседнем кресле.

И Анюта рассказала ему свою историю.

2007 год, Новосибирск

Телефон завибрировал. Сашка вздохнул. Последний месяц он ни с кем не хотел общаться. Смска. «Привет. Я прилетела в Новосибирск. Живу у родственников. Аня.»

20 апреля 2007 года, Новосибирск

Теплая солнечная пятница, на набережной города много людей. Первое устойчивое весеннее солнце манит искупаться в своих лучах. Пуховики и шапки наконец нашли временное пристанище в шкафах и антресолях. Нельзя пропустить ни минуты, насладиться долгожданной весной.

Анюта рассказывает Сашке о своих планах получить гражданство, с юристом она договорилась, распишут фиктивно, сделают паспорт, потом разведут.

– Так давай поженимся. Зачем фиктивно? Распишемся, гражданство получишь и разведемся. Фамилию, конечно же, менять не будешь.

Да, – подумала Анюта, – романтичнее предложения я ещё не слышала.

– Ну давай.

04 июля 2007 года, Новосибирск

Когда после ЗАГСа поехали гулять по городу, Анюта вспомнила удивительную вещь. Ещё до знакомства с Сашкой ей снился сон про него, имя, возраст, квартира на третьем этаже, все совпадало. Только во сне у него был чёрный форд, а у Сашки совсем другая машина. Но тогда, после росписи, они ездили именно на черном форде его друга. Так иногда сбываются сны.

К чему приводят поиски любви? Что бывает, когда случается? Долгожданное счастье? Покой? Вот-вот, ещё немножко. Вот выйду замуж, закончу институт, куплю квартиру, рожу детей, займу должность. А после снова вот-вот.

Сбылась её мечта! Простое белое платье, поздравления, цветы, на следующий день на работу. Через годик заветный российский паспорт. А счастье где? Может в какой-то красивой коробочке с атласной лентой? Ничего, вот рожу..

19 октября 2010 года, Санкт-Петербург

– Пристегните ремни. Через несколько минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту «Пулково» города Санкт-Петербурга.

Годовалая Настя плачет, уши закладывает. Анюта с Сашкой нервничают. Какой будет квартира, которую они сняли заочно? Получится ли у Сашки с работой? Поиски продолжают. Вот-вот...

Глава 8. Боль

Полгода – это много или мало? Что бывает, когда ожидания теряются в вечности? Когда понимаешь, что момент контроля растворился в обстоятельствах. Когда болят сразу несколько сердец. Когда душу невозможно заштопать как рваные носки на лампочке. Что бывает?

Август 1994г., Канев

«Всем привет! Пишет вам ваша дочка и внучка Аня. У меня все хорошо. Мы живём в одной палате с Галей и Таней. Каждый день ходим на море. Я вчера наступила на камбалу. А ещё мы ездили на выходных в Одессу, смотрели оперный театр. И нам сказали, что мы ещё поедem в Одессу. Мама, у меня осталось 10 купонов, я хочу купить тебе персики. Ну ладно, пока. Всем привет. Целую. Аня.»

На море было хорошо, но домой Аня хотела больше. Она всегда была «домашней» девочкой, тяжело переживала разлуку с родителями, и особенно с мамой, считала дни до отъезда. Сознание защитило психику Аняты и забыло момент, когда она вернулась домой из той поездки на море. Потому что маленькая девочка не понимала фразу «уехали на заработки», и почти мгновенно отключила боль.

Распад СССР стал ударом для миллионов сердец, разорвал тысячи человеческих душ, перекроил судьбы. Потому что «как можно жить без царя»? Что значит индивидуальная ценность против коллективного разума?

Конечно, все не случилось сразу, но для сознания многих было именно так. Каневский завод «Магнит» встал. Увольнялись сотни людей. Анята делала уроки при свечах, потому что стабильно отключали электроэнергию, а так хотелось посмотреть «Санта Барбару». Кот Мурзик ел овощной суп и был счастлив. Вареники из крапивы, салат из одуванчиков, иногда в меню появлялся бутерброд с маргарином «Рама» и вареньем из еловых шишек.

Каждую субботу грели воду в огромной десятилитровой кастрюле и купались в ванне. Анята однажды отказалась идти на первое свидание, дабы не пропускать сей еженедельный ритуал.

Изрезанные обстоятельствами тела выживали, измученная психика все дальше и дальше прятала в темную дальнюю комнату чувства, которые было нельзя. Получше закрыть дверь, чтобы не вырвалось. А ещё ставнями наглухо заколотить. Всё! Готово!

2018 год, Санкт-Петербург

– Расскажите, какой вопрос Вас волнует. – голос психолога по Скайпу немного «тормозит», связь плохая.

– Отношения с мамой. Понимаете, мне кажется, я не люблю её.

– Можете вспомнить, когда это началось.

– Да, я очень хорошо это помню. Мама уехала в Польшу на заработки, вначале на три месяца, потом на полгода. Я так скучала, писала письма, ждала такие редкие звонки. Мне как раз исполнилось 13 лет, мы начали дружить с мальчиками во дворе, играли в «бутылочку». Так хотелось все рассказать маме. Я ждала, что она приедет и я всё всё ей расскажу. А когда она приехала, такая уставшая и постаревшая, я поняла, что передо мной стоит чужой человек, не моя мама, и я не могу ей всё рассказать. – Аня всхлипывала. – Нет, ну я понимаю, она

не могла иначе, она должна была уехать, чтобы заработать деньги, ей было очень тяжело. Я все понимаю. Я потом ещё в дневнике у бабушки прочитала и вспомнила, что приехала с классом с моря, а её уже не было. И папа уехал в Москву. А мне никто не сказал. Никто.

Чувства, которые нельзя, взбунтовались и начали выбивать дверь, просачивались сквозь щели, ещё немного и дамба рухнет. Слабые попытки «нельзя показывать слабость перед психологом» были засыпаны лавой взорвавшегося вулкана. Всё! Готово!

Психолог объясняла, что взрослая Аня это не маленькая Анюта, что девочку предала собственная мать, даже тем, что уехала зарабатывать деньги на благо семьи. Аня почти ничего не слышала. Практики, медитации, аффирмации, все сносил огромный поток, вместе с досками от наглухо заколоченной двери.

Бесконечность имеет право однажды закончиться. Постепенно вытекала чуть солоноватая вода из дальней темной комнаты, сознание расширяло границы. Но оказалось, что есть ещё кладовки, антресоли и тайные дверцы. Интересно, что там..

Глава 9. Часть 1. Гнев

Лишь поверхность покрыта гневом, а под ним глубина.. Неизмеримая, неосознанная, кровоточащая рана..

1998 год, Канев

На кровати лежали старые фотографии. Мама решила сделать для каждого члена семьи свой альбом, красиво оформить его и подарить на память. Аня раскладывала фото по стопкам.

– Мам, а у тебя долго были такие длинные волосы, как на этом фото?

– До 9 класса. Я их не любила, мороки много. Отрезала, и отец меня избил за это.

Аня молчала, не решалась спросить. Вспомнила как бабуля рассказывала про свою маму, когда она сильно побила бабулю за то, что та отдала подруге вырез ткани для юбки. И про единственное полотенце на всю семью. В школе на уроке говорили, что полотенце должно у каждого своё быть, бабуля маме своей рассказала про это, так её этим полотенцем и отхлестали. Она недоумевала как это возможно и радовалась, что в такое время живёт, когда у каждого в семье свое полотенце и ванну можно каждый раз новой водой набирать, а не как у деда, когда отец будучи главой семейства имел право первым мыться.

Черно-белые фото закончились и Аня любовалась цветным, на котором была запечатлена она и большой плюшевый мишка.

– Вот будет у меня дочь, – думала Аня, – куплю ей много мягких игрушек, а ещё кота заведу и назову Плюша.

2018 год, Санкт-Петербург

– Хватит реветь! Сколько можно? Я же говорила, говорила, что этим все закончится. Ты не слышала меня. Получай же теперь!

Аня со всей силы трясла за плечи свою восьмилетнюю дочь. Осознавая, что делает ей больно, не могла остановиться. Сильнее! Больнее! Удар! Настя стоит и хочет исчезнуть, сжимается в комочек, скулит. Конечно, она виновата, только она, больше никто. Она всегда во всем виновата. Какая же она глупая, что не послушала маму. Дура! Как же больно.

Аня отчаянно бьёт кулаком стену, и ревет, диким животным рыком разрывая звенящую тишину. Андрей обнял маму за ногу и держится крепко-крепко, лишь бы она снова стала такой же, какой была ещё несколько мгновений назад. Аня колотит, она готова убить обоих своих детей за какую-то разбитую тарелку. Боже, что происходит?

Глава 9. Часть 2. Вина

2018 год, Санкт-Петербург

Под звуки пожарной сигнализации, на виду у охраны и всех работников управляющей компании, Аня медленно съезжала по стенке и села на холодный пол. Такое могло произойти только в страшном сне. Но не с ней сейчас. Клубы дыма заволокли этаж, мерзкий запах бензина проник в самое нутро, те минуты ей казались вечностью. Ведь там за дверью её трехлетний сын, один. И только она в этом виновата. Пока ребята из МЧС выпиливали входную дверь её квартиры, которую Андрей закрыл на барьерный замок, она ни о чём не думала. Момент здесь и сейчас, о котором так много говорят, был достигнут поворотом замка.

А после, когда одна, глухой вой.. Тихо, чтобы не разбудить сына, побить подушку, обхватив руками колени, пойти в самую глубь ужасной вины. Да, Андрей истерил, не хотел идти гулять, валялся на полу, но нельзя же при этом выходить и закрывать дверь снаружи. Надо было в игровой форме, как психологи в своих умных книжках пишут. Но она не может, она устала. Одурманенная неизвестно чем, сама лично повернула ключ в замке. Какая же она глупая, что не послушала свою интуицию. Дура! Как же ей больно. Боже, что происходит?

Вырвались! Снесли щиты стальные, выстроенные войнами и голодом, бедностью и отчаянием. Лишь бы выжить, любой ценой выдержать. Разрушали прошлое! Травмы поколений обнажали чувства, которые нельзя было, в криках, в боли, в гневе, в стыде, в детях. Потому что не проходит бесследно, потому что если не вскрыть, не заживёт. Откуда? Из глубин тайных комнат, из немых рюмок отцов, из колючих сердец матерей, из железных человеческих душ. Зачем? Чтобы знать и помнить, чтобы переписать и продолжить новое..

Глава 10. Сила

Сила в мгновениях, сила в течении, сила в свободе быть самим собой..

2000г., Канев

Анюта закончила первый курс универа, впереди были летние каникулы, можно лениться и читать, читать, читать. А ещё в июле после дня рождения поездка в Крым. Анюта любила море, всегда разное, ласковое и тёплое, с медузами и волнами, бирюзовое и темно-синее. Ей нравилось уплывать далеко от берега, ложиться на воду и смотреть в небо. Тогда все становилось одним целым, мельчайшие частицы света внутри неё и огромное море, небо и земля, воздух и вся вселенная.

Перед отъездом Анюта зашла к бабуле, в квартире было тихо и уютно, на письменном столе лежали дневники и любимый песенник, бабуля спала. Всего две недели как умер дедушка и она совсем сдала, ноги болели, сердце. Мама почти все время была рядом. Анюта открыла песенник на знакомом с детства месте и тихонько запела их любимую «Темную ночь». Часто в семейной кругу они с бабулей пели, украинские народные, советские патриотические, песни военных лет. Ещё прадед Анюты, Пётр Сидорович, любил петь, а дедушка много лет был солистом в хоре ветеранов войны. Бабуля даже книжку про Каневский хор написала, кое-что удалось продать, но большое количество экземпляров так и осталось на даче.

Вскоре пришла мама и проснулась бабуля. Они посидели втроём, вспомнили разное, чай выпили и Анюта засобиралась домой. Крепко обняла бабулю и смотрела как она медленно, опираясь на трость, шла к своей кровати. Тогда на долю секунды у Анюты промелькнула мысль, что бабулю она больше не увидит, но девушка тут же отогнала её.

2000г, Крым

Анюта была счастлива, приехал папа. Она старалась делать все, чтобы ему было хорошо, готовила, все показывала и рассказывала. На следующий день Анюта собиралась на экскурсию, целый день нырять с аквалангом. Было очень здорово, но всю обратную дорогу она нервничала и не находила себе места, отгоняла навязчивые тревожные мысли. Вернувшись, увидела записку в двери: «Бабушка умерла, я уехал.» Анюта плакала, громко и долго, ей было очень страшно, ведь она знала, чувствовала, что это произойдет.

Украина до сих пор в её сердце. Она слушает песни, поёт сама, периодически достаёт «вышиванки», расправляет, бережно гладит и вновь прячет дорогие сердцу вещи. Волшебный край солнца, благодатной почвы, пьянящего воздуха. Анюта часто представляет себя девушкой-травницей с распущенными волосами, в свободном платье, танцующей единство с природой. Будто вся её сущность раскрывается в движении. А может это всего лишь героиня её будущего романа?

Украина – земля, пропитанная магией. Традиции, передаваемые из поколения в поколение, праздники язычества, воплощённые в христианстве. Украину не вырвать из сердца и души Анюты, эта земля принадлежит ей по праву рождения. Она её выбрала сама, и будет нести её в себе каждое мгновение жизни.

2005 год, Киев

Работа, дом, дом, работа. После универа эта схема была неизменна. Когда в общежитии больше нельзя было жить, снимала койкоместо, комнаты, квартиры в складчину с друзьями и знакомыми. Завидовала киевлянам и мечтала о доме. В той квартире предложила пожить старший кассир банка, где работала Аня. Оплата была условной, три комнаты, близко к работе. Аня с удовольствием согласилась. Когда переехала, буквально через два часа ушла гулять по близлежащим окрестностям, словно что-то выгоняло на улицу. В будние дни на работу приходила в самую рань, уходила последней. На выходных жила у своего парня. Аня физически не могла находиться в квартире, постоянно испытывая жуткий страх. Однажды ночью проснулась и не смогла больше глаз сомкнуть до утра, потому что была уверена, что она в квартире не одна. Вскоре всё-таки съехала, пусть подальше от работы, зато спокойнее.

Интуиция, эмпатия, чувствительность.. Этим сейчас никого не увидишь. Экстрасенсы, колдуны, ворожеи надоели, никакого доверия к ним. Но сила все же есть у Ани. Сила быть собой настоящей. Сила, которая раскрывается с каждой новой главой, вырисовывается в каждой последующей букве. Но Ане страшно, и дверь, за которой свет, ещё заперта..

Глава 11. Сны

До невозможности пусты бывают ночи без сна, тупые, наполняющие мыслями одиночества, безысходности, грусти. До невозможности полны бывают ночи без сна, волнующие, наполняющие мыслями любви, ценности, нужности.

2017 год, Канев

Самое любимое время года, июнь. Расцвет природы, цветов, трав. Прохладные ночи уносят все лишнее, наполняют чистотой и спокойствием. В Санкт-Петербурге многим не спится, можно долго гулять по набережным, смотреть на развод мостов и светлое ночное небо. В Каневе темнеет быстро, и спится крепко.

Анюта с детьми была дома. Мама каждый день приносила свежую клубнику с дачи, и пекла оладушки. Такие пышные получались только у неё. На смену клубники приходила малина, дети каждый день рисовали смешные мордочки красной ягодой. Случилась самая короткая ночь, открывающая загадочный мир сна.

Нужно торопиться, бежать, скорее закрыть дверь, а за ней вдруг увидеть ангела. Молчит, лишь улыбается, с безграничной чистой любовью считывает все вопросы Анюты и мысленно даёт ответы. Показывает другую реальность, Анюта видит души, чувствует любовь, повсюду. Ангелы просят передать людям, что всегда рядом, что поддерживают и любят. Анюта открывает глаза, рядом сладко спят дети, а она как будто ещё во сне, дома. Садится на край кровати и чувствует ангелов, по щекам катятся слезы. Но теперь она знает, что не одна. И если быть здесь её выбор, значит нужна, значит будет.

2019 год, Санкт-Петербург

– Здравствуйте. Что вас беспокоит?

– Речь. Вернее её отсутствие.

– Сколько лет ребенку?

– 3 года 7 месяцев

Одни и те же вопросы. Сын Анюты не говорит. Отдельные слоги и звуки, общение с Андреем как игра в «крокодила». Бесконечные посещения врачей и восстановительное лечение каждые полгода. Все понимает, но никогда ничего не делает, если не хочет, тем более по просьбе незнакомых людей. Лучше постоять рядышком с мамой, по сильнее прижаться к ней. По результатам комиссии направлен в коррекционный садик для детей с задержкой психического развития. Анюта знает причину, но ей никто не поверит, даже слушать не станут. Ведь это всего лишь глупые сны..

Анюта часто видела во сне иной мир, она попадала туда через то самое кладбище по дороге на дачу. Первое время узнавала его во сне и заставляла себя проснуться. Но однажды решила идти дальше. Там были совершенно незнакомые ей души людей, внешность которых она может описать хоть сейчас, а ещё работали те души, которые не воплощаются в физических телах. Анюта не может программировать эти сны, они случаются сами, и не зависят от её желания. Однажды она поговорила там с бабушкой, которая велела ничего не бояться, и Анюта знала, что душа бабули уже воплотилась в новом теле. В тех снах она также видела

своих родителей, мужа и детей. Когда пора было просыпаться, они всегда уходили отдельными группами, Андрей с родителями Анюты, она с мужем и дочкой.

Интересно, сколько людей покрутили бы у виска, если бы Аня рассказала об этих снах? И если она скажет врачам, что её сын в прошлой жизни был мальчиком, который сказал правду и тем самым убил свою мать, ей поверят? Что если его душа выбрала Анюту, чтобы научить говорить правду, а она выбрала его, чтобы показать, что правда не убивает? Но никто не поверит в прошлые жизни и сны, приходящие в мозг слишком впечатлительной женщины.

И они молчат, оба. Снова врачи, снова лечение, постоянные советы и истории незнакомых людей.

– Ой, у моей подруги сын тоже до пяти лет не говорил. И ничего, институт закончил.

– А у троюродной сестры мужа была знакомая...

– Мой тоже долго не разговаривал. Потом сразу чуть ли не поэмы Пушкина наизусть рассказывал.

– А во сколько вы сами с мужем заговорили? Генетика имеет большое значение. – спрашивают врачи.

Анюта не знает. Её родители тоже не помнят. Начала говорить как все. Вроде. Институт ведь закончила. Муж также.

Генетика имеет значение. Тогда причём тут сны? А может это действительно бред? Скоро ещё к психологу записаны. Может он чего толкового скажет?

Учёные утверждают, что сны снятся всем. Психологи, что сны – это информация из бессознательного. Интересно, а прабабушка Анюты тоже увидела во сне, что у неё будет дочь и кто станет её мужем?

Глава 12. Поиски продолжаются

Уносит прошлое ошибки,
Стремится к счастью – не вина,
Никак не вдеть иголки в нитки,
Души разорвана струна.

2004 год, Киев

Счастье оказалось коротким, всего лишь один день между получением диплома и выходом на работу. Чёрт! Больше ждала, целых пять лет.

2009 год, Новосибирск

Счастье оказалось коротким, всего лишь пару месяцев как в декрет ушла, потом тяжело ходить стало. Ждала, чтобы быстрее родить. Хочу спать, Настя постоянно орёт. Конечно, я её люблю. Но стою и готова на землю лечь, чтобы поспать. А с коляской ходить надо, иначе орёт.

2014 год, Санкт-Петербург

Вчера была сделка. Купили квартиру, в ипотеку. Ничего, поживём полтора года пока достроится дом на съёмной. Тяжело будет, конечно, но зато потом своя квартира, двушка. Плохо, что за КАДом, только такую пока могли себе позволить. Постараемся гасить быстрее, чтобы в городе купить. И будет нам счастье.

2015 год, Санкт-Петербург

Счастье оказалось коротким, Андрей постоянно спит, грудь не берёт, вес не набирает. Даже не знаю, переживаю сильно. Настя хоть орала, голодная была.

2016 год, Санкт-Петербург

Вот похудею и будет мне счастье. Решено. С сегодняшнего дня не ем сладкого. Я выдержу. Начала с 82 кг, надо скинуть минимум 10 кг. И буду я вся такая худая, красивая и счастливая.

2017 год, Санкт-Петербург

Получили ключи. Теперь ремонт надо делать. Круто, у нас две квартиры, две ипотеки и куча кредитов. Как оно будет непонятно.

2017 год, Санкт-Петербург

Написала первую заметку, про воспоминания. Страшно публиковать, пусть лежит пока. Как же я была счастлива тогда, когда Настя маленькая, когда в общежитии жила, когда Андрей родился...

2017 год, Санкт-Петербург

Воспоминания.

Вчера на прогулке с детьми вдруг всплыли воспоминания о том, как было здорово летом гулять с дочкой во дворах Купчино, где мы снимали квартиру, когда она была маленькая. Тогда в Питере ещё было летом тепло. Мы гуляли по 2—3 часа, дожидались папу с работы и дружно шли домой. Воспоминания вернули меня в прошлое, придав настоящему нотку грусти с улыбкой на лице. И я задумалась, что дают нам воспоминания, чему учат? Ведь воспоминанием может быть даже утренняя прогулка с ребенком, или прошедшая минута разговора с кем-то по телефону.

Недавно с дочкой шли и размышляли о том, что такое прошлое, настоящее и будущее. Вот мы прошли только что шаг, он остался в прошлом, а будем проходить мимо того дома, это будущее. А что же настоящее? Настоящее – это все, что мы видим и чувствуем сейчас. Это состояние. Воспоминания могут быть теплые и приятные, а могут грустные. С помощью чувств, которыми они были наполнены, мы запоминаем ситуации. Воспоминания учат чувствовать настоящее теми чувствами, которые потом будут наполнять нас. Но иногда, когда нам больно и плохо, когда мы рыдаем и кричим от душевной боли, раздирающей сердце, нам надо прочувствовать и этот момент, чтобы воспоминания подарили опыт этих чувств. Нам нужен опыт чувствования, чтобы жить, проживать каждую минуту жизни наполненно, искренне, честно. Но нужно помнить, что во всем важен баланс, поэтому не надо позволять воспоминаниям надолго возвращать нас в прошлое, нужно просто на минуту вспомнить, чтобы вернуться в настоящее и насладиться моментом.

Помню когда я родила сына и услышала его первый крик, то в голове возникли слова известной песни: «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь.» Вспоминая это я плачу, слезы наполняют и я чувствую, что живу, именно здесь и сейчас я люблю и чувствую жизнь. Позвольте вашим воспоминаниям иногда уносить вас в прошлое, но найдите ту тонкую грань в нем, которая вернет в настоящее и подарит счастье жить здесь и сейчас.

Эпилог. Ценность

Жизни не бывает без кочек да камней. Кабы все гладко было, не видали радости от того, что хлебом сыты да водой напоены. Сотнями слов сотканы миры людские, тысячными буквами сплетены в узы семейные, нескончаемой нитью в роду продолжают.

2019 год, Санкт-Петербург.

– Привет, мам. Как дела в архиве?

– Слушай, отлично, супер дело нашла. Родичи мои по отцу переехали из Херсонской губернии в Сибирь, но я не знала как они в Херсонской губернии оказались. И вот сегодня нашла документ где все расписано, и фамилии те же. Так классно, как будто все части теперь сложились.

– А я не знала, что дедовы тоже в Сибирь из Украины ехали.

– Если захочешь, почитаешь, у деда рукопись есть, там все подробно описано. Он хорошо писал, легко читается.

– Конечно, мне интересно. А где эта рукопись?

– У меня на флэшке, я давно набрала эти записи. «Век» называется.

Столько собрано меня по архивам, столько вечеров потрачено, чтобы сохранить все, руками предков написанное. А ценность моя в чём? Смысл какой во мне? Я всего лишь информация из прошлого.. Я всего лишь герой неизданной повести..

2019 год, Санкт-Петербург

Анюта просыпалась нехотя. Она любила сны про него, где он восхищался, где так жаждал быть рядом. И хоть пора было вставать, Анюта решила разобраться. Он снился редко. Почему именно сегодня? Анюта знала, что все образы во сне – это она сама, её бессознательное. Тогда что это за чувства, которые так приятно поднимаются в груди, когда он восхищается ей? Не бывает вопросов без ответов. И ответ пришел мгновенно. Ценность. Чувство нужности кому-то. Анюта погрузилась в эту мысль. Ценность потеряна, всю жизнь она ищет своё место, являясь в таких снах. Пустоту в груди никакими сладостями не заполнить. Ум сопротивляется. Как можно быть ценной, не принеся никакой пользы миру? Но при чём здесь мир, если нет ценности для себя самой? Анюта закрывает глаза и видит образ, энергетический столб светлоголубого цвета. Сознанием она перемещает его в грудь и словно горит им, разбрасывая вокруг искры своей ценности.

Я – повсюду! Я – вечность! Сплетаюсь в нити времени, несу в себе жизнь.. и смерть..

Можешь! Ты можешь всё!

Узнать, принять и поменять!

Ценность моя в осознанности, в страхах и слезах, в гневе и отчаянии, в бедности и честности, в силе и способностях.

Не закончится никогда история... Будут качели раскачиваться... Будут двери открываться... Будет чувств принятие... Будет век продолжаться...

«Поплакала и вновь фиалкой зацвела,
Засиял день новыми знаками,
И мама молодая, и влюбленная малая,
На кухне все одинаково плакали...»

(С) Группа KAZKA «Плакала».

БОЛДЫРЕВА ЕВГЕНИЯ

«Дух ветра»

Пролог

#

В ночь Самайна воспылали ритуальные костры. Ведьмы трёх ковен собралась на главный праздник Колеса Года. Вершилась магия, звучали колдовские напевы, ветер завывал, вторя мелодичному многоголосью.

На рубеже двух дней, когда открывалась дверь в мир духов, центральный костёр затрепал и выпустил огненное щупальце. Подобно хлысту то просвистело над головами испуганных ведьм. Все они впервые наблюдали подобное, и только одна из старейшин прикрикнула:

– Дух выбирает, чьими устами ему говорить. Соберитесь в круг, сёстры, и ничего не бойтесь!

Ведьмы нерешительно приблизились к костру, и пылающий щуп медленно поплыл перед ними. Пройдя половину круга он остановился, словно огненным перстом указывая на Эвелин. Дрогнув, и без промедления врезался в грудь молодой ведьмы.

Бесплотный дух вошёл в тело избранницы, зажгёт глаза её алым, и взмыла ведьма вверх, зависнув над ритуальным костром.

Голос Эвелин, искажённый и дрожащий, зазвучал над поляной:

– Рождённая от ведьмы и друида,
Невинность свою сложит на алтарь.
Вздохнёт земля, где будет кровь пролита,
И выпустит из тёмных недр тварь.
На веки нерушимость договора
Своим кровавым росчерком скрепя,
Восславит имя грозного Балора,
Возмездие неся во все края.

Как только губы ведьмы произнесли последние слова пророчества, огненная стихия покинула её, и бесчувственное тело упало на холодную землю. Ритуальный костёр запылал с новой силой, а сёстры бросились к Эвелин.

Маленькая Тахра неуверенно топталась возле хижины, где отдыхала её мать.

– Войди, малышка, не бойся, – поманила девочку старшая ведьма.

Как только Тахра ступила на земляной пол жилища, женщина продолжила:

– С твоей мамой всё будет хорошо. Дух выпил её силы, но она скоро их восстановит.

Гордись!

Девочка не очень понимала, чем именно ей стоит гордиться, но робко улыбнулась и покачала головой. Старейшина погладила малышку по щеке морщинистой рукой и пристально заглянула в глаза.

– Ты тоже очень сильная. Многие из нас наследуют дар матерей, но не многие приумножают его. Магия ждёт, когда ты откроешься для неё.

Речь ведьмы прервал тихий голос Эвелин:

– Пожалуйста, Грания, хватит пророчеств на сегодня.

Смерив напоследок Тахру странным взглядом, старейшина покинула хижину. Девочка тут же бросилась в раскрытые материнские объятия:

– Ты слышала, она сказала, что я сильная! – зазвенел детский голосок.

Эвелин прижала дочь к груди и мягко погладила по спутанным волосам.

– Конечно сильная. Ты станешь великой ведьмой, не сомневайся.

– Мам, скажи, а то пророчество... Мы сможем всё исправить? Я не хочу, чтобы фомор приходил в наш мир.

Женщина крепче обняла дочку, и тяжело вздохнула, прежде, чем ответить:

– Пророчества нужны не для того, чтобы менять события, а чтобы к ним подготовиться.

Глава 1

– Не смей использовать свои демонические силы, – шипел Одхан, – Если кто-то в деревне заподозрит тебя в колдовстве, нас всех изгонят.

Айрис молча принимала упрёки отца. Привыкла уже к его вспышкам ярости, и знала – нужно стоять тихо, тогда скоро всё закончится. А если защищаться, отец может взяться за палку.

Стоящая возле стены мать поддерживала одним лишь взглядом.

– Это всё твоя дурная кровь, – напоследок обвинил мужчину жену. Нервно поведя плечами, он шагнул за дверь, в объятия опускающегося на деревню тумана.

Пошёл, стало быть, заливать кóрмой свои душевные терзания.

Айрис, и мама знали – до завтра отца можно не ждать. Успокоив гнев в компании деревенских пропойц, он продолжит утешаться в обществе потаскушки Селмы. И никто не осудит их за разврат.

То ли дело девчонка, посмевающая родиться с целительским даром. Несомненно, она – истинное зло и дьявольское отродье.

Как только хлипкая дверь закрылась за Одханом, Айрис метнулась к своей лежанке, вытащила из-под неё поясную сумку, и так же быстро покинула хижину.

Больше отцовских истерик девочка ненавидела только мамины попытки его оправдать. Нет уж, не в этот раз. Сегодня её ждут друзья – бескрайний лес, прохладный рассвет и неудержимый ветер. А все семейные проблемы подождут до завтра.

Возвращаясь в деревню утром следующего дня, Айрис ощущала странное волнение. Это не был страх, но при мысли об отце сердце сдавливало тревогой.

Ещё с пригорка девочка разглядела возле их хижины людей, а подойдя ближе, увидела и мать, напоминающую своей бледностью призрака.

Стихли разговоры, всё внимание обратилось к Айрис.

Тело вдруг стало таким тяжёлым, что, казалось, ноги вот-вот подогнутся под его весом. Не хотелось девочке идти вперёд. Откуда-то пришло знание, что там, за толпой мрачно молчащих соседей её жизнь изменится навсегда.

Но люди расступались, и Айрис заставляла себя передвигать ноги.

На земле, возле самой хижины, завернутое в светлую материю, лежало тело отца. Девочка поняла это, как только увидела алые пятна на белом саване. А ещё она поняла, что погиб он из-за неё.

Одхан не успел уйти далеко, когда Айрис выскользнула из хижины во тьму подступающей ночи.

Взбешённый непокорностью дочери, мужчина последовал за ней в лес. Ему нестерпимо хотелось всыпать ослушнице палкой по спине.

Не прислушалась Айрис к своей интуиции, не догадалась о преследователе. Ловко петляя между деревьями, с каждым шагом дальше удалялась она от неповоротливого отца.

Зато лес почувствовал недобрые намерения Одхана, и встал на защиту своей любимицы.

Пока мужчина плутал по затуманенной чаще, стая волков шла рядом, уводя свою жертву от Айрис. В рассветный час, когда сизая дымка растворилась в утренней свежести, хищники растерзали Одхана.

Видение оказалось таким ярким, что Айрис на секунду поверила – всё ещё можно исправить. Но как она ни старалась, волки не слушали её мысленных приказов.

Когда крики отца в голове замолкли, наваждение закончилось, и девочка обнаружила себя стоящей на коленях возле окровавленного тела. Рядом надрывно плакала мать.

Плотное кольцо людей сжималось. Сдерживаемые раньше страх и ненависть, хлынули на Айрис сметающим эмоциональным потоком.

Две ведьмы наблюдали за происходящим, оставаясь незамеченными.

– Посмотри на эти лица! Они же убьют её!

Одна заламывала пальцы, ожидая решения старшей сестры.

– Мы не можем забрать девочку. Она пока ещё не принадлежит нашему миру.

– Но как же...

Поднятая рука прервала начатую фразу.

– Мы не можем забрать её, но можем помочь. Я успокою людской гнев, ветер сейчас благоволит колдовству. А ты останешься в деревне и приглядишь за юной Айрис, пока её магия не проявит полную силу. Ковен будет ждать вас, сёстры.

Глава 2

Во все ночи духов в деревне запирались двери и окна. Суеверный страх заставлял людей поддерживать огонь в очагах, не смыкая глаз до рассвета.

Только Айрис и Нара не боялись гнева потусторонних сил.

Стоило яркому месяцу Белтейна скрыться за тучами, из крайней хижины проскользнули две тени. Подгоняемые страхом, девушки быстро оказались у границы леса, но, как только стена деревьев сомкнулась за их спинами, остановились передохнуть.

– Ты дышишь, как старый умирающий як, – поддела подругу Нара, сама не без труда переводя дух.

– А ты так же бегаешь, – огрызнулась Айрис, – На дальней окраине деревни и то, наверное, слышали твой топот.

Обменявшись обидными замечаниями, девушки расхохотались. Традицию можно было считать соблюденной, и, значит, пора было трогаться в путь.

Вёсен пять назад, когда они впервые решились нарушить главный деревенский запрет, чуть не дошло до настоящей ссоры – сказалось сильное волнение. В тот год Айрис и Нара так и не развели ритуального костра, но теперь на их счету была уже не одна удачная вылазка.

Шагая по прохладному лесу, сжимая в своей ладони руку подруги, Айрис уже не впервые поразилась, как изменилась её жизнь с появлением Нары.

После погребения отца, Айрис старалась не покидать хижину. Пусть в день смерти Одхана люди сдержали свой гнев, но девочка ещё помнила их искажённые ненавистью лица. Не иначе как чудо уберегло её от расправы.

Но время шло. С каждым днём всё труднее давалось девочке добровольное заточение. Сердце тянуло в лес, руки жаждали прикоснуться к утренней росе, глаза истосковались по ярким предрассветным всполохам.

Пару раз Айрис приходила в себя уже за дверью хижины, и с огромными усилиями возвращалась обратно.

Мать, видя её душевные метания, с разговорами не лезла, и, кажется, даже радовалась смятению дочери.

В ночь летнего солнцестояния Айрис не выдержала. Дождалась, когда мама уснёт, и сбегала в лес. Только тогда, вдыхая еловые ароматы и слыша в дуновении ветра тихое: «Пришла!», девочка поняла, как сильно скучала.

Здесь, среди вековых деревьев и диких зверей был её настоящий дом.

Задолго до того, как увидела незнакомку, Айрис услышала её – та шла, пошатываясь от усталости, и явно не знала, куда держит путь.

Первое волнение сменилось заинтересованностью:

– Заблудилась?

Девушка вздрогнула и остановилась. Её тёмные глаза недоверчиво изучали Айрис. Наконец, решив видимо, что опасность ей не угрожает, она ответила:

– Моя деревня сгорела. Все, кто выжил, отправились в Галлецию, а я отстала. Думала, уже никогда не увижу людей.

Немного помолчав, незнакомка добавила:

– Меня зовут Нара.

Айрис ответила не сразу. Глядя на девушку, она прислушивалась к своим ощущениям, ведь те никогда не подводили. На этот раз внутренний судья склонялся к тому, что этой Наре можно доверять.

– Я Айрис. Идём, отдохнёшь в нашей хижине, а после решим, как быть дальше.

Удивительнее всего было, что мать Айрис приняла незнакомку без единого возражения. Не смутило её даже то, что девушка пришла из леса в ночь духов.

Так и получилось, что Нара осталась жить в их хижине.

Дымка воспоминаний развеялась от нетерпеливого:

– Идём быстрее!

Айрис тепло улыбнулась, крепче сжимая ладонь подруги, и вдруг отпустила её:

– Догоняй!

Под верхушками высоких елей плыл весёлый девичий смех. Подруги спешили праздновать Белтейн.

Следующим днём Айрис снова пришлось бежать в лес, только на этот раз одной. Прыгая через костёр, Нара неудачно приземлилась и теперь лежала с опухшей щиколоткой. Нужно было найти для неё целебных трав.

Тихонечко напевая, девушка ступала по еловому ковру и выискивала в тени деревьев нужные растения. Заметив, наконец, мелкие листочки, Айрис села возле них на колени и принялась набивать сумку.

Не услышала она приближения постороннего. Не почувствовала его за своим занятием.

Сердце сжалось от испуга и волнения, когда до ушей донёсся мужской голос:

– Матрикара не терпит женских рук.

На этот раз внутренний судья подсказывал, что Айрис есть чего опасаться.

Глава 3

Выбираться из дома тайком становилось всё сложнее. Да и не по себе было Айрис от того, что обманывает подругу. Но Кехта просил сохранить в тайне их встречи, и девушка не находила в себе ни сил, ни желания противиться.

Сегодня Нара особенно долго не ложилась спать. В какой-то момент Айрис подумалось, что та догадалась обо всём, и своими разговорами пытается удержать подругу возле себя. Добрая половина ночи прошла к тому моменту, когда в хижине, наконец, воцарилась тишина.

И теперь Айрис бежала к месту свидания, опасаясь, что Кехта не дождался её.

Показался за густым ельником серебристый просвет, заметался взгляд по освещённой луной поляне. Никого.

Досадливый всхлип сорвался с девичьих губ. Не успела. Ушёл.

Но в тот миг, когда Айрис готова была сделать шаг из-под защиты густых крон, крепкая рука перехватила её поперёк живота. Сердце привычно стукнулось о грудную клетку, вопя об опасности. Но по телу разлилась не паника, а ликование.

– Я боялась, что ты не дождался, – выдохнула Айрис, разворачиваясь к мужчине лицом.

– Мы так редко видимся, разве мог я уйти? К тому же...

Кехта резко замолчал, словно чуть не сболтнул лишнего. Но девушка забыла об этом, стоило горячей ладони скользнуть на её затылок. Пока длился поцелуй, ловкие руки Айрис смело пробрались под шерстяную рубаху мужчины, прошлись по напряжённому животу и принялись за шнуровку на штанах.

Кехта хрипло рассмеялся, прервав поцелуй:

– И куда же делась та скромница, которую я учил собирать матрикару?

– Осталась под одной высокой елью пару полнолуний назад, – хитро улыбнулась Айрис, не прекращая бороться с завязками.

Её неторопливость явно не радовала Кехта.

– Быстрее! – рыкнул он, чем вызвал новый приступ веселья Айрис.

Стараясь подражать его тону, девушка произнесла:

– Куда же делся тот сдержанный мужчина, что учил меня собирать матрикару?

Но Кехта не был настроен на долгие игры и разговоры. Отпихнув тонкие запястья, он толкнул Айрис на прохладную траву, и сам лёг сверху, как только разобрался с ненавистной шнуровкой.

Горячее дыхание обожгло пульсирующую венку на нежной шейке, когда мужчина прошептал:

– Его никогда не было. Только нетерпеливый сластолюбец, теряющий разум в твоём присутствии.

– Для сластолюбца ты слишком много разговариваешь...

– Мне всё сложнее убегать в лес ночами, – жаловалась девушка позже, лёжа на плече Кехта, – Если бы мне можно было рассказать о тебе Наре...

– Нет, – перебил мужчина, и сел, довольно грубо спихнув с себя разомлевшую Айрис, – Я уже говорил, что эта часть моего пути требует уединённости. Если учитель узнает о тебе, мне никогда не стать друидом.

Девушка тоже села, неловко прикрывая наготу туникой.

– Так зачем же ты так рискуешь? Может прекратим наши свидания, ученик друида?

Кехта раздражённо дернул головой, отворачиваясь от Айрис, а когда заговорил, в голосе его слышались злость и обида:

– Ещё в новолуние я закончил сбор трав, и должен был сразу уйти, но оттягивал до последнего. Больше ждать нельзя.

В повисшей тишине было слышно только судорожное дыхание Айрис и шелест тонкой ткани. Торопливо натянув на себя тунику и платье, девушка бросилась бежать прочь.

А Кехта так и остался сидеть на прохладной земле...

– Нара, есть ли надежда, что ты ошибаешься? – жёстко уточнила старшая ведьма.

– Нет. Мне пришлось прибегнуть к колдовству, чтобы узнать причину слёз Айрис. В её воспоминаниях я узнала о намерении этого Кехта стать друидом.

Суровая Брит поднялась с жесткого пола, и прошла по хижине.

– Значит, пророчество Эйвелин может сбыться, – наконец произнесла она со вздохом.

– Оно уже сбывается! – воскликнула Нара, – Я чувствую, что под сердцем Айрис зарождается новая жизнь.

– В таком случае у нас нет выбора. Силами ковена мы лишим твою подругу магии, и тем самым отменим пророчество.

Пустым взглядом смотрела Айрис на стену хижины. Голова её покоилась на коленях подруги, и та медленно расчёсывала спутанные волосы. Мягкий голос Нары доносился словно сквозь монотонное дыхание ветра:

– Ты плохо выглядишь. Я подумала, тебе не помешает бодрящий отвар.

Айрис послушно села, и без единой эмоции выпила предложенный напиток. Так же молчаливо она снова опустилась на лежанку, и почти сразу уснула.

Нара погладила подругу по голове, прилагая огромные усилия, чтобы сдержать слёзы.

– Дело за вами, сёстры.

На вершине холма, с которого была видна вся деревня, собрались ведьмы. Взявшись за руки, они читали заклинание, лишаящее магии. Но в глазах одной из них горел недобрый огонь...

Глава 4

– Ты пыхтишь, как старый умирающий як.

– И чувствую себя так же.

Айрис и Нара медленно шли от реки с полными кувшинами. Приходилось часто останавливаться, чтобы отдохнуть, но под полуденным солнцем и на месте стоять было тяжело.

– Скоро малыш родится, и тебе полегчает.

– Ой ли? Я видела, как много сил отнимают младенцы. Ещё мамина болезнь... Нет, если бы не ты, я уже сейчас ни с чем не справлялась.

Нара натянуто улыбнулась, вспомнив, чего стоила ей эта задержка.

Пришлось воздействовать на старших ведьм крайним доводом – возможностью перехода сил от Айрис к ребёнку. Обряд изгнания магии прошёл не совсем обычно, и были все основания опасаться, что девочка родится с особыми способностями.

Нехотя, сёстры всё же согласились подождать.

Вот только пролетела беременность Айрис очень быстро. Скоро Наре придётся вернуться в ковен, и оставить подругу навсегда. Стоило ли уточнять, что возможные силы малышки были лишь удобным предлогом задержаться подольше?

Подхватив кувшин, Айрис сделала глоток воды, и зашагала дальше. Нара печально смотрела ей в след, подмечая лёгкую настороженность и неуверенность в движениях. Сейчас это почти не бросалось в глаза, но первое время после утраты магических сил, Айрис пришлось непросто. Она терялась среди знакомых хижин, стала бояться леса, часто замирала, прислушиваясь к чему-то.

Ведьме казалось, что потерю слуха или зрения подруга перенесла бы легче.

Отмахнувшись от невесёлых размышлений, она поспешила за Айрис.

Выбрать дорогу через поле было не лучшей идеей – она хоть и была короче, но идти по высокой траве было непросто.

Зато Наре удалось кое-что заметить. Следом за подругой, приминая траву, тянулся незримый шлейф. Опять. Уже не впервые ведьма замечала, как ветер крутится вокруг Айрис. Это настораживало.

Здесь не помешал бы совет старших ведьм, но Нара боялась идти к ним, и оставлять беременную одну.

В любом случае, с появлением ребёнка всё должно было разрешиться. А до этого осталось меньше лунного цикла.

Мама Айрис умерла, так и не оправившись от болезни.

Глядя на завернутое в саван тело, Айрис ощутила первую схватку, и весь обряд погребения терпела нарастающую боль.

Только когда жители деревни разошлись по своим хижинам, она позволила себе опереться на руку подруги.

Девочка появилась на свет ночью, и её первый крик смешался с диким завыванием ветра за дверью.

– Здравствуй, малышка, – произнесла Нара, поглаживая крохотную ладошку.

Со стороны это могло показаться обычным воркованием, но ведьма была далека от этого. В голове звучали заклинания. Магия искала в новорожденной звучание знакомых сил.

– С ней всё хорошо? – обеспокоенно прошептала со своей лежанки Айрис.

Нара дрогнула, и связь прекратилась. Но в отсутствии у малышки колдовских сил ведьма убедиться успела.

- Всё замечательно, – поспешила заверить она подругу, – Как ты назовёшь её?
- Я думала об имени Бреда.
- Бреда, – эхом повторила ведьма, глядя в пытливые глаза девочки, – Сильная.

Айрис с дочерью отдыхали после длинной ночи, и только Нара не могла уснуть. Она мерила шагами хижину, терзаясь разрывающими её эмоциями. Пора было возвращаться в ковен, но на долю подруги выпало столько потерь, что всё нутро ведьмы сопротивлялось скорому уходу.

Движимая странным порывом, Нара вышла из хижины. Ноги сами понесли её в сторону леса.

Там, на широкой поляне, где девушки много лет отмечали праздники Круга Года, ведьма опустилась на колени и заплакала.

Вероятно, истощив свои силы, она задремала, и во сне к ней явился голубоглазый мальчишка.

- Кто ты? – спросила Нара, чувствуя, какая мощная энергия исходит от незнакомца.
- Меня зовут Айрде, и я знаю, что ты давно заметила моё присутствие.
- Ты дух ветра?

Мальчик кивнул, глаза его блеснули озорным огнём. Но когда он снова заговорил, слова звучали сурово:

- Твои сёстры не имели права забирать то, что им не принадлежало.
- Всё дело в пророчестве! – попыталась оправдаться Нара.
- Не в ваших силах отменять пророчества! – неожиданно грозно взревел тщедушный с виду Айрде, – Вы лишь отсрочили его исполнение, но подспудно привлекли к Айрис внимание духов.

Ведьма испуганно прошептала:

- Ей угрожает опасность?
- Несомненно. Но я останусь рядом с ней и её дочерью, и помогу в случае необходимости.

А вот тебе не следует возвращаться. Ты сделала всё, что могла, теперь оставь их...

Нара распахнула глаза, слыша, как собственное сердце бьётся в груди. Поляна была пуста, только в ушах звучал шёпот ветра: «Осссставь...»

Глава 5

Бреда нетерпеливо пританцовывала на месте, выглядывая вприоткрытую двери.

– Что ты там усмотрела? – заинтересовалась поведением дочери Айрис.

– Mamочка, в деревне что-то творится. Я видела, как соседские ребята побежали в сторону дома старой Улы. А можно я тоже схожу?

Последние слова девочка произнесла, оторвавшись от созерцания двора, и обратив свои глаза к матери.

Первым порывом Айрис было отказать, хотя она и сама не могла понять, почему. Дочка с трёх лет свободно перемещалась по всей деревне, ни разу не заблудившись, не нарушив материнских наказов. Тут в пору радоваться было, что соседи принимают Бреду, и не вспоминают о том, что когда-то её семья имела дурную славу.

Айрис и радовалась. Но вот поселилось с утра где-то в груди странное беспокойство. Отчего? Да кто это нерациональное чувство поймёт?

Так что, вздохнув поглубже, и затолкав подальше переживания, Айрис разрешила дочери сбегать к дому Улы. Сама же взяла два кувшина, и отправилась к реке за водой. Чтобы отвлечь беспокойное сердце, и удержать себя от похода за Бредой. Лишняя мнительность ещё никому не шла на пользу, а маленькая строптивница на слезку могла и обидеться.

Тем временем в деревне действительно происходило нечто необыкновенное. К ним забрёл друид!

Молодой ещё с виду мужчина, в традиционных белых одеяниях, быстро собрал вокруг себя всех детишек. За ними следом потянулись и взрослые. Знамо ли дело, в их не избалованную гостями деревню пришёл не кто-нибудь, а самый настоящий ведающий! Как тут было усидеть в своих старых хижинах?

Мужчина, казалось, был рад такому вниманию, и с удовольствием отвечал на расспросы. Да только о цели его визита никто не догадался выведать.

Бреда ещё издали разглядела толпящихся вокруг чего-то жителей деревни, и пошла быстрее. Но пробраться мимо людей оказалось непросто – все они жались друг к другу, и не желали пускать вперёд кого-то ещё.

За монотонным гулом девочке слышался приятный мужской голос, и страсть как хотелось посмотреть, кому же он принадлежит. Тогда Бреда опустила на четвереньки, и поползла между частоколом людских ног.

Сверху слышался то смех, то недовольное ворчание, но девочка не сворачивала с пути. Однако не забывала и извиняться, когда её ладонь или коленка наступали кому-то на кожаную обувь.

Наконец показался просвет. Обрадованная близкой победой, Бреда принялась быстрее переставлять руки и ноги. Да только в итоге не уловила того момента, когда люди расступились, и с разбега врезалась в чью-то коленку.

Медленно села на пятки, потирая ушибленное место, и подняла взгляд на незнакомца.

Мужчина, казалось, совершенно опешил от внезапного нападения, но в глазах его читалось задорное веселье. По крайней мере, опасений у девочки он не вызвал ни малейших.

Поэтому она, всё так же сидя, по-детски наивно спросила:

– А ты кто?

Незнакомец, похоже, с трудом сдержал улыбку. Присев на корточки, он со всей серьёзностью произнёс:

– Я Кехта.

Взрослые за спиной почему-то начали смеяться, хотя ничего весёлого, как казалось Бреде, не произошло.

Она поднялась на ноги, так, что её лицо теперь находилось на одном уровне с лицом странного мужчины, и представилась сама:

– А я Бреда.

Затем подумала, что одно имя звучит как-то слишком просто, и добавила, высоко задрвав носик:

– Дочь Айрис нигхенОдхан.

Веселье исчезло из глаз Кехта, уступив место недоверчивой суровости. Он долго молчал, пристально разглядывая личико девочки, и когда снова собрался заговорить, сначала откашлялся.

– Скажи, Бреда, дочь Айрис, накормят ли меня в твоём доме сытной кашей и предложат ли прохладной воды?

Малышка не поняла изумления людей. Гордо кивнув мужчине, она протянула ему свою ладошку, и доверчиво повела в их с мамой хижину.

Айрис возвращалась от реки с полными кувшинами воды, и влажными после купания волосами. Теперь солнце уже клонилось к закату, и ласковый ветерок мягко дул в спину, подгоняя женщину.

Цель прогулки была достигнута – утреннее переживание смыло с сердца подобно тому, как проточная вода смывает грязь с тела. Айрис успокоилась.

Подойдя к хижине, она оставила кувшины в тени, сделала несколько глотков из пригоршни и умыла лицо. Хорошо!

Но лёгкая улыбка быстро сменилась гримасой растерянности, стоило женщине зайти в хижину. В давящей тишине на неё смотрели две пары одинаково серых глаз.

Глава 6

Никогда ещё Брееда не видела маму такой сердитой.

То, что та знает их гостя, девочка поняла сразу. А после процеженного сквозь зубы: «Зачем ты явился в мой дом?» сообразила, что мама ему не рада.

Почему – Брееда узнать не успела, так как взрослые вышли из хижины и теперь выясняли отношения во дворе. Малышке только и оставалось перебегать от окна к двери, в тщетных попытках расслышать хоть кусочек разговора.

– Надеюсь, ты не сказал моей дочери, кем приходишься ей? – шипела Айрис, сложив руки на груди.

Кехта прикрыл глаза и нервно потёр переносицу. Когда он заговорил, голос его звучал растерянно:

– Я был слишком сильно ошарашен, повстречав её, и до последнего сомневался, действительно ли она моя дочь.

В глазах Айрис мелькнули угрожающие огоньки, однако мужчина этого не видел.

– Я не вижу причин, почему не должен говорить Брееде правду, – продолжил он, – Девочка имеет право знать, кто её отец.

– Не смей морочить ей голову. Она ещё ребёнок, и быстро проникнется. А ты опять уйдёшь.

– Айрис, я... – Кехта запустил пальцы в волосы, – Я ведь пришёл, чтобы забрать тебя с собой. Моё ученичество закончилось, обет безбрачия тоже. Осталось только пройти обряд посвящения и я... Так хотел, чтобы ты была рядом. Навсегда.

– Но теперь всё изменилось, – ехидно заметила женщина, – Если кто-то догадается, что Брееда твоя дочь, они поймут, что ты нарушил свои ученические обеты. Снова обстоятельства мешают твоему счастью! Как удобно, правда?

Кехта отвёл взгляд, ничего не ответив.

– Убирайся, друид. Тебе не рады в этом доме.

В немой ярости смотрела Айрис в спину уходящему мужчине, когда тёплые пальчики уверенно скользнули в её ладонь. Брееда встала рядом с матерью, и так же провожала взглядом фигуру в светлом одеянии.

– Он сильно тебя обидел? – тихо спросила девочка.

– Сильно.

– Это же мой папа?

Айрис только коротко кивнула, боясь смотреть дочери в глаза.

Глубоко вздохнув, Брееда пожала плечами, и просто сказала:

– Мне он понравился.

Маленькие пальчики крепче сжали мамину ладонь.

Айрис не знала, приютил ли Кехта кто-то из соседей, или он провёл ночь в лесной хижине, где жил во время своего обучения, только на следующий день мужчина пришёл снова.

Он являлся каждое утро, пытаясь добиться расположения Брееды, и прощения её мамы. Ходил к реке за водой, приносил хворост из леса; починил покосившуюся дверь и перекрыл дырявую крышу.

Айрис принимала его помощь с показным равнодушием.

Первые дни Брееда старалась подражать материнской холодности, но быстро сдалась. Её мягкое сердце тянулось к отцу.

Тогда, пойдя наперекор своей гордости и обидам, Айрис разрешила дочери общаться с Кехта.

Вся деревня наблюдала за отношениями этой троицы. Даже слепцы уже знали о внешнем сходстве Кехта и маленькой Брееды, поскольку об этом шептались на каждом углу. Чем ещё заняться жителям небольшого поселения, как не сплетнями?

Айрис подозревала, что кое-кто даже делал ставки, как быстро она сама сдаст свои позиции, и потеплеет к друиду. Однако, спорщиков ждало разочарование. Обида не уменьшалась, а напротив, крепла, стоило только вспомнить, как тяжело жилось им первое время вдвоём с Бреедой.

Очень осторожно готовила Айрис дочку к тому, что Кехта может скоро покинуть их. И этот день настал.

Накануне осеннего солнцестояния мужчина пришёл поникший, чтобы сообщить о своём уходе. Он обещал, что будет часто навещать их, но слова не могли иссушить горьких слёз ребёнка.

Айрис же испытывала странное удовлетворение от того, что не поддавалась на красивые рассказы лживого друида.

Ещё долго Брееда ходила мрачной, но с наступлением зимы примирилась с потерей.

Жизнь всей деревни потекла в привычном, немного скучном, русле.

Однако, Кехта не обманул, и ранней весной, как только природа скинула с себя многомесячное оцепенение, друид вернулся.

Он уходил и приходил, иногда задерживаясь всего на несколько дней, но чаще на целый лунный цикл. Брееда всё сильнее прикипала к отцу, и каждый раз ждала его с поистине детским нетерпением.

Жители деревни тоже привыкли к частым визитам ведающего, и теперь уже не устраивали ему шумных встреч.

На третью весну начала сдавать свои позиции и Айрис, ко всеобщему изумлению разрешив Кехта поселиться в их хижине.

Глава 7 Айрде

Когда ты стихия, трудно идти против природы.

Первые годы своего существования ветром я просто летал. Наслаждался скоростью, могуществом, ощущением безграничной свободы. Нарастивал силы от лёгкого бриза, едва трещающего листья на деревьях, до настоящего урагана, способного разрушать целые деревни.

Проблема в том, что научившись быть сильным, сложно держать себя в рамках. Я ведь никогда не хотел вредить людям. Они сами оказывались на моём пути...

Другое дело ведьмы. В них текла магия так схожая с той, что создала меня. Я пасовал перед их силой и страшно завидовал тому, что они сами ею управляют. Мне, бестелесному духу, это было недоступно.

Не знаю, сколько лет прошло с момента моего рождения, но однажды я понял, как устал быть ветром. Бесцельно летать по полям и лесам, завывая от собственной беспомощности и бесполезности. Мечтать иметь плоть, чтобы почувствовать тягучую прохладу воды и не иметь ни единого шанса на исполнение этого желания.

Да, я пал духом, как бы странно это ни звучало. Заполз в небольшую пещеру и долгие месяцы пугал воем жителей соседней деревеньки. Так и остался бы там, пропитываться затхлым воздухом и обрастать легендами, но однажды в моё добровольное изгнание ворвались голоса.

– Завтра они проведут обряд и отнимут у девчонки магию. Трусливые старицы! Кто дал им право противиться пророчеству?

– Тахра, но если оставить всё как есть, в наш мир придёт фомор. Разве ты не боишься этого?

– Он и так придёт. Не через отпрыска этой Айрис, так через другого. И каждый раз, когда кто-то посмеет вмешиваться в дела судьбы, она будет менять свой курс, но не цель. Сколько жизней искалечат наши сёстры своим вмешательством?

– И что ты собираешься делать?

– Помешать колдовству мне не хватит сил, но кое-что я могу. Направлю изгнанную магию обратно, к ребёнку, которого носит Айрис.

– Если старейшины узнают, что ты пошла против их воли, тебя изгонят из ковена... А я останусь без наставницы.

– Не волнуйся, Мабина, они не узнают...

Голоса стали удаляться, а я вынырнул из кучи прелой листвы, сделал пару кругов под сводами моего унылого пристанища, и вылетел вон.

В тот момент я был уверен, что больше не вернусь в пещеру, так как сама судьба подсказала мне смысл существования.

Следующей ночью я наблюдал со стороны за тем, как творится колдовство. Всё моё духовное существо противилось этому действию, вопило о неправильности происходящего. Но что может противопоставить ветер силе девяти ведьм?

Гораздо позже, когда холм опустел, а солнце показало свои первые лучи над бескрайним полем, я спустился к деревне.

Искать нужную хижину не пришлось – меня и так тянуло к ней, как к месту невосполнимой потери и скорби по утраченным силам. И пусть сама Айрис не осознавала этого, душа её рыдала.

Я стал незримой тенью этой женщины, чувствуя наше родство. У неё отняли магию, оставив телесную оболочку бесконечно мучиться и ощущать себя неполноценной.

А я сам был концентрацией магии, но никогда не имел тела. Казалось, только вместе мы становились цельным существом.

По мере того, как крепла моя привязанность к Айрис, росло и чувство досады на ведьму, что вечно крутилась рядом. Не трудно было догадаться, что именно её стараниями закрутилась вся эта история с обрядом.

Когда Нара сбегала ночами к своим сёстрам, я надеялся, что она больше не вернётся, но понимал при этом, что в таком случае Айрис рискует остаться одна накануне рождения ребёнка.

Тогда, впервые за всё своё существование, я решил проявить терпение...

После ухода ведьмы только я остался с Айрис и её дочерью.

Жарким летом остужал их хижину, зимой заметал её снегом до самой крыши, оставляя свободной лишь дверь. Когда Брееда училась ходить, я бережно поддерживал её от падений, и всюду следовал за ней, когда она начала уверенно шагать по деревне.

Но ни мать, ни дочь, так и не почувствовали моего присутствия, вернулось ощущение пустоты и ненужности. Я снова сник.

Глава 8

– Мамочка, смотри сколько трав я собрала! Папа научил меня различать, какие из них целебные! – Брееда влетела в хижину с горящими восторгом глазами, и полной сумой трав.

Айрис натянуто улыбнулась дочери:

– Хорошо, милая. Иди умойся, а потом всё расскажешь.

Как только девочка скрылась за дверью, женщина набросилась на друида:

– Я чуть с ума не сошла, проснувшись ночью и не обнаружив вас. Всю деревню обыскала, даже к лесу ходила. Как ты мог подвергнуть нашу дочь опасности?

Кехта непонимающе нахмурился:

– Какой опасности? Она всё время была со мной, я глаз с неё не спускал...

– В нашей деревне крайне негативно относятся к тем, кто ходит ночами в лес, – процедила сквозь зубы женщина, – Если Брееду просто заподозрят в причастности к колдовству, её изгонят. Таковы правила.

– О моей, как ты сказала, причастности, всем давно известно. Однако я не замечал ни единого косоного взгляда в свою сторону.

– Ты друид! К вам всегда было особое отношение. Вот только женщин в друиды не посвящают. В случае чего, жители деревни вспомнят не о том, кто отец Брееды, а о том, кто её мать...

Айрис запнулась, поняв, что сболтнула лишнего.

– Что ты хочешь этим сказать? – подозрительно сощурился Кехта.

Женщина побледнела, и поспешно отвела взгляд. Меньше всего ей хотелось, рассказывать мужчине о своём детстве.

Тяжёлый вдох послышался над самым ухом, шершавые ладони легли на тонкие плечи в успокаивающем жесте.

– Сейчас я очень устал, да и Брееда, наверняка, захочет отдохнуть. Но вечером, когда нам никто не сможет помешать, ты расскажешь мне то, что так долго скрывала.

Ощущение тепла пропало, за спиной проскрипела дверь, выпуская Кехта во двор.

Невидящим взглядом смотрела Айрис перед собой, нервно кусая губы.

Закрыв за собой дверь, Кехта торопливо обогнул хижину. Брееда как раз заканчивала умываться, ловко управляясь с тяжёлым кувшином. Мужчина выдохнул – успел.

В два больших шага он оказался рядом с дочерью. Взял её ладошки своими, пристально посмотрел в глаза и заговорщически улыбнулся:

– Малышка, давай оставим между нами то, что я научил тебя заклинанию защиты.

Светлые бровки удивлённо изогнулись:

– А почему?

На секунду Кехта замешкался, не зная, что сказать. Но всё же решил, что половина правды лучше полного вранья.

– Видишь ли, твоя мама очень переживала, когда проснулась ночью и не нашла нас. Думаю, не стоит пугать её ещё больше.

Брееде объяснение отца не показалось убедительным, но всё же она согласилась:

– Хорошо. Это будет наша с тобой тайная тайна. Только скажи, у меня ведь правда получилось?

Серые глазки горели таким неподдельным восторгом, что друид не сдержал улыбки.

– Получилось, – тихо подтвердил он, и тут же почувствовал крепкое кольцо тоненьких ручек вокруг своей шеи.

Только сейчас Кехта понял, что девочка и правда слишком быстро освоила заклинание защиты. И если там, в лесу, мужчина искренне обрадовался успеху дочери, то реакция Айрис заставила его взглянуть на всё иначе.

Неужели он и правда подверг Брееду опасности?

– Видишь, Мабина, как на наших глазах сбывается пророчество? – с придыханием говорила Тахра, – Влиять на чужие решения оказалось так просто!

Младшая ведьма хмуро смотрела на свою наставницу, явно не разделяя её восторгов.

– Ты такая скучная, – отмахнулась Тахра.

– Меня не радует, что мы помогаем воплощению тьмы прийти в наш мир, – нарушила молчание Мабина, – Когда-то ты сама говорила, что своим вмешательством в дела судьбы мы можем разрушить многие жизни. Но разве не этим же ты занимаешься сейчас?

На лице старшей ведьмы на секунду мелькнула презрительная гримаса.

– Ещё и наивная. Эти слова были не для твоих ушей, а для мятущегося духа. Неужели ты думаешь, что я для собственного удовольствия потащила на другой конец леса, чтобы поболтать о пророчестве?

– Так дух ветра, о котором рассказывала Нара...

– Да! Это я нашла его! Я произнесла заклинание внушения! И я надоумила его прогнать нежную Нору от этой Айрис! Маленький наивный дух. Столько лет он охранял этих людишек от влияния ведьм, даже не подозревая, что помогает мне. Но теперь осталось только подождать. Скоро пророчество будет исполнено, ведь силу, которую я спрятала в девчонке, друид уже пробудил.

Глава 9

Поздним вечером возвращалась Брееда из леса, с полной сумой целебных трав. Нашёптывала сама себе присказку, которой научил отец:

– День равен ночи,
Распахивай очи.
Срезай наперстянку,
Вербену, очанку.
Насушишь на год
Лекарств от невзгод.

В ночь летнего солнцестояния десятки растений насыщались силой, но собирать их требовалось быстро – пропустишь день-другой, убирай нож и жди следующего года. Вся польза в землю уйдёт.

Много лет Брееда помогала отцу в заготовке трав, и вот, впервые, пошла в лес одна. Вернётся Кехта, будет ему и радость, что запасы пополнены, и гордость, что дочь сама справилась.

Девушка вздохнула – когда только он, наконец, появится?

В этот год отец не пришёл весной, прислал весточку с одним путником, чтобы ждали его к солнцестоянию.

Только уже и ночь Литы позади, а Кехта всё нет.

Плотно утолкав все травы в суму, Брееда направилась к деревне. Главное возле хижин не забыть спрятать драгоценную добычу, а не то мама снова будет ругать за непослушание. Чем не приглянулся ей гостеприимный лес?

Показались за пригорком деревенские крыши, ускорила шаг Брееда – а ну как отец пришёл, пока она по лесу бродила?

Но вдруг налетел ветер. Швырнул в лицо пыль сухого лета, разметал рыжие волосы, чуть было не сорвал с плеча суму с травами. Загудело в ушах, испугалась Брееда. Хотела шаг сделать, а ветер не пускал – тянул обратно к лесу, прочь от родного дома.

В этот момент и проснулось в голове давнее воспоминание, губы принялись нашёптывать заклинание защиты. С первого раза не подействовало, сил на борьбу со стихией почти не осталось. Девушка стиснула зубы, призвала на помощь всю свою ярость и снова повторила древнюю формулу, заглушая вой в ушах.

Получилось!

Ветер прекратился резко, будто и не было. А Брееда, лишившись сопротивления, упала вперёд, только и успев выставить руки. На горе, оказался прямо перед ней колючий чертополох, безжалостно располосовавший ладони красным.

Всклинула Брееда, сама не зная, от чего больше. От боли? Обиды? Испуга?

Что случилось с ветром, который с детства следовал за ней незримым другом?

Кое-как поднявшись, и бережно баюкая сильно кровоточащую правую руку, девушка поспешила к хижине.

Сбросила с плеча суму, затолкала её ногой под заготовленный хворост, а сама юркнула под раскидистый клён. Там, в вечной тени, стояли кувшины с прохладной водой – то, чего требовали сейчас израненные руки.

Вот только не знала Брееда, как ей исхитриться, чтобы ухватить жёсткую глину.

– Можно, я помогу? – раздался откуда-то сверху мужской, незнакомый голос.

Девушка отшатнулась, задела кувшин. Во все стороны разлетелись осколки и капли воды.

– Прости, что напугал! – незнакомец принялся собирать глиняные черепки.

Брееда же не двинулась с места, хмуро наблюдая за молодым мужчиной.

Когда все осколки оказались в широких ладонях, незнакомец поднялся и встретился взглядом с девушкой.

– Я Эйдан, ученик Кехта, – ответил он на невысказанный вопрос, – А ты, верно, дочь Айрис?

Бреда хотела было уточнить ещё и кто её отец, но вовремя прикусила язык. Слышала однажды что любовь у родителей закрутилась, когда Кехта должен был держать обет безбрачия.

Так что через паузу девушка просто молча кивнула.

Эйдан улыбнулся.

– Подозреваю, твоя мама выговаривает сейчас моему учителю за то, что привёл в дом гостя, не спросив на то позволения.

В ответ на весёлый тон мужчины Бреда, наконец, расслабилась и хитро ухмыльнулась. Уж она знала, как доставалось порой от мамы отцу.

– Ладно, раз они заняты, помоги мне промыть раны. Только осторожно! Болит так, словно чертополох достал колючками до самых костей.

Кехта вышел из хижины пунцовый. Ох и характер был у Айрис!

Его Айрис...

Не сразу нашёл друид ученика, и хотел уже окликнуть Эйдана, но тут услышал голоса. За хижинкой молодой человек помогал Бредде мыть руки. Девушка при этом смущённо улыбалась, и старательно отводила глаза.

Кехта покачал головой. Подумалось, вдруг, что в ближайшее время у Айрис снова будет повод для недовольства.

Глава 10 Айрде

Ночи духов давно стали моей отрадой. Ритуальные костры, танцы ведьм, пульсирующая магия. И пусть усталость после давила к земле, с этим вполне можно было мириться.

Вернувшись к утру в деревню, ставшую мне домом, я вяло растёкся по крыше и грел свои потоки под жарким солнцем.

Скрипнула дверь, выпуская из хижины Айрис. Я лишь лениво отметил, что она пошла к реке. Да, можно было спуститься со своей лежанки, увязаться за женщиной незаметным спутником, но зачем? Со мной ли, без меня, итог всегда один – два кувшина с водой под шепчущим клёном. Помочь с тяжёлой ношей ветру не под силу, а вот защитить глиняные сосуды от нагревания в жаркий день – это да.

Так что не стал я срываться с соломенной крыши. Только ещё шире распластал по ней свои прохладные бока.

Снова открылась дверь. На этот раз Бреда выглянула во двор, проверяя, ушла ли Айрис. Этот взгляд был мне хорошо знаком – удумала что-то, не иначе как в лес собралась, травы целебные собирать.

Вот тут я было дёрнулся спуститься и последовать за девчонкой. Но солнце грело так нежно, а солома шелестела так убаюкивающе...

Странно, вообще-то. Отпустить Бреду одну в лес – даже не лень, а безнадежная глупость. Я это прекрасно понимал, провожая взглядом ярко-рыжую бунтарку до самого ельника.

Но какое-то предчувствие прижимало меня в этот день к крыше. К обеду стало понятно, что оно не обмануло.

Кехта я заметил издали. Обрадовался его возвращению, но тут внимание привлёк чужак рядом с друидом.

Незнакомая ранее злость стянула меня с соломенной лежанки и потянула к путникам. Кружа вокруг, вздымая полы их одежд я силился понять причины своего поведения, но не мог.

Какое-то странное чутьё подсказывало, что незнакомец принёс с собой большую беду.

Не знаю, почувствовал ли Кехта присутствие духа, или просто решил перестраховаться. Слетело с его губ заклинание защиты, смело меня невиданной силой к самой границе леса и на ель закинуло.

Тут бы времени чуть. Обдумать всё, в себя прийти. Но я взвился вихрем, посрывав с веток иглы, и полетел к реке.

Айрис не спешила домой. Часто останавливалась, всматривалась в бескрайние просторы поля.

Раньше я всегда любил эту её неспешность, размеренность, но сегодня вынужден был прервать идиллическое созерцание.

Толкнул в спину, сначала мягко. Женщина со вздохом подхватила кувшины и медленно пошла вперёд.

Подул сильнее, заставляя Айрис шагать быстрее. Я торопил её домой, не зная толком, на что рассчитываю.

Когда стало понятно, что чужак останется, злость моя сменилась паникой. Несколько раз облетев старую хижину, и чуть было не развалив соломенную крышу, на которой нежился

с утра, я поспешил к лесу. Уже после сообразил, что сначала стоило успокоиться, да только поздно было.

На Брееду я налетел на полпути к деревне. Швырнул ей в лицо еловые иглы и сухую пыль. Упирался, все силы прикладывал, лишь бы не пустить домой.

Несусветная глупость!

Неужели я и впрямь полагал, что девушка свернёт обратно к лесу и будет скитаться там одна?

Да только правил мною в тот момент голос эмоций и страха. Голос разума прорезался гораздо позже, когда обессиленная Брееда повторила заклинание отца.

Меня не отшвырнуло от неё так же, как днём от Кехта. Меня охолонил испуг девушки.

Что я творю? На кого нападаю и для чего?

Отступил.

Словно сквозь туман видел, как Брееда потеряла равновесие и упала руками на колючки чертополоха.

Не помог, не поддержал.

Её крик и всхлип полоснули ножом по сердцу, если есть оно у духа.

И кровь с ладоней капала сквозь мои, протянутые в неуверенном жесте руки.

Глава 11

Бежать! Бежать! Только бы не споткнуться.

Бреда перескакивала через змееподобные корни деревьев, ныряла под влажные после дождя ветки. Шаги за спиной становились тише, пока совсем не замолкли.

Убежала? Неужели и правда смогла?

Девушка замерла возле высокой ели, скрылась за густыми длинными ветками. Где же её преследователь?

В воздухе витали дурманящие запахи сырой хвои и приближающейся осени. Но лесную тишину не нарушали посторонние звуки.

Чуть отдышавшись, Бреда выглянула из своего укрытия, мягко переступила по хвойному ковру и тут же оказалась в кольце мужских рук.

– Попалась.

И снова перехватило дыхание, заторопилось сердце в груди:

– Не честно. Ты слишком быстро и тихо бегаешь.

– Всё честно, – ответил Эйдан со смешком, – Скорость ты компенсируешь знанием этого леса. А в тишине мы с тобой равны. Я не поймал бы тебя, не покажись из-за веток любопытный носик.

– Скажи ещё, что я сама хотела быть пойманной.

– А разве не так?

Бреда сделала вид, что задумалась, но не на долго хватило её серьезности. Хитро улыбнувшись, вывернулась она из объятий мужчины, и сама сцепила руки за его шей.

– В таком случае, будем считать, что я специально сдалась из жалости к твоей нерасторопности.

– Какой удар по моему самолюбию! – закатил глаза Эйдан и рассмеялся, а Бреда как одурманенная смотрела на его губы.

Мужчина осёкся, поймав этот взгляд, и мягко, но настойчиво расцепил девичьи руки.

– Не надо так. Я права не имею не то что на твои чувства, а даже на их намёк.

– Почему же? – прозвенел металлом вопрос.

Эйдан явно чувствовал себя неуютно под пытливым взглядом серых глаз. Отступив на шаг, он опустил голову и проговорил еле слышно:

– Мы скоро уйдём.

Повисла тишина, в которой мужчина ждал реакции на свои слова, а девушка просто ждала дальнейших объяснений.

Эйдан шумно выдохнул, прежде чем продолжить:

– Кехта никак не решится сказать, что на этот раз покинет вас надолго. Начинается этап моего обучения, для которого нужно отрешение от всего мирского, и учитель присоединится ко мне. Этого требуют наши правила.

– И сколько же вас не будет? – уточнила Бреда, стараясь сдерживать голос от позорной дрожи.

– Никто не знает точных сроков. Случается, что и на десять вёсен покидают своих близких друиды и их ученики.

Девушка надолго замолчала, невидяще глядя в пустоту за спиной мужчины. Когда она снова нарушила тишину, голос её звучал очень тихо и вкрадчиво:

– И ты так благороден, Эйдан, что откажешься от моего поцелуя?

Краска проступила на мужских щеках:

– Мне и так не будет покоя все эти годы. Не ученичество, как должно, занимает мои мысли, а ты. Но лучше страдать от не случившегося чувства, чем от разделённой и утраченной любви, и в первую очередь я не хочу этого для тебя.

Бреда молча выслушала пылкую речь, склонив голову набок.

– Вроде, верно ты всё говоришь, ученик друида, – холодно произнесла она, как только Эйдан замолчал, – Только одну ошибку допустил – принял решение за меня.

Айрде.

Много дней наблюдал я за чужаком, сдерживая необъяснимую злость и ни во что не вмешиваясь. Тщетно старался найти в Эйдане малейший намёк на тёмные помыслы.

Но он казался мужчиной добрым и отзывчивым, быстро нашёл общий язык с Бредой, а Айрис прониклась к нему почти материнскими чувствами. Что касается Кехта, не знаю даже, кем больше он гордился – своим учеником или дочерью.

Мне оставалось только прислушаться к голосу здравого смысла.

Так что сейчас я очень тихо покидал лесную поляну, игнорируя недоброе предчувствие. Нельзя мешать зарождающемуся чувству. Даже ветер способен это понять.

Глава 12 Айрде

Если дух не спокоен, это может быть опасно для окружающих.

Несколько дней я бродил по деревне в тревожной задумчивости, сам не замечая, как срываю крыши и сбиваю людей с ног. Должно быть, со стороны это выглядело, как маленький, но очень злобный смерч.

В чувства меня привёл испуганный детский крик – распоясавшийся вихрь зацепил и поднял в воздух мальчонку, а рядом металась его обезумевшая от страха мать.

Осознав произошедшее, я так испугался, что чуть не допустил ошибку – начал останавливаться. Поток воздуха ослаб, ребёнок полетел вниз с довольно приличной высоты, и мне пришлось снова разгоняться, чтобы подхватить его.

Я покружил свою невольную жертву ещё немного, с каждым оборотом опуская ниже и ниже. Под конец мальчик перестал орать, и, кажется, даже начал весело смеяться, а вот женщина рядом наблюдала за происходящим с суеверным ужасом. Стоило малышу коснуться земли, она подхватила его на руки, и бросилась к ближайшей хижине. Наверняка решила, что это всё – происки злых сил. Возможно, так оно и было...

Оставаться в деревне, пока не обрету былое спокойствие, я больше не мог.

В поисках ответов на свои тревоги, я отправился к ведьмам.

Бродил среди них, напиваясь магией и надеялся встретить других духов, иногда забредающих погреться у колдовского огонька. Зря, на самом деле. В обычные дни нашего брата здесь и с ритуальным костром не отыщешь.

Зато нашли меня...

– А я всё думаю, кто это бродит здесь, тоской своей ледяной настроение мне портит.

Сначала и не понял, что обращаются ко мне. Да и удивительно было догадаться, учитывая моё происхождение и вытекающие из него особенности существования.

Однако, старая ведьма, стояла напротив и глядела в мои глаза.

– Вы это мне? – нерешительно спросил я, чувствуя себя окончательно обезумевшим.

– А кому ж ещё? Другого такого страдальца на сто вёрст вокруг не сыщешь. Знаешь что, пойдём-ка со мной. Прогуляемся туда, где и нас не побеспокоят, и ты своим присутствием девочек не растревожишь.

– Хорошо, – ответил я ошалело, и послушно последовал за старицей. На ходу пытался припомнить, когда мне в последний раз случалось с кем-то разговаривать? По всему выходило, что ещё прошлой осенью, аккуратно на Самайн, когда забрёл к ведьмам один лесной дух.

Мы долго шли молча, и я уже начал думать, что мне всё примерещилось. Но тут ведьма заговорила:

– Ты ведь Айрде? Нара рассказывала, как дух ветра прогнал её из дома подруги. Удивительно, откуда только взял силы и умение, чтобы проникнуть в сон ведьмы? Ты и сейчас-то ещё юн, а тогда и вовсе был сродни новорожденному.

Её пренебрежительный тон отозвался во мне нелепой обидой. Но задумавшись, я сообразил, что произнесённые слова были скрытой похвалой.

– Ладно, ты не злись на болтливую старуху. Расскажи лучше, чего ищешь здесь?

Я опешил, не зная как ответить ей, как объяснить свою тревогу. Но что-то внутри подсказывало о чём следует расспросить ведьму:

– Что за пророчество вы отменили, когда отняли силы Айрис?

Седые брови удивлённо поднялись вверх, от чего лоб ведьмы исполосовали глубокие морщины.

– Впервые встречаю духа, заинтересованного в проблемах живых. Что тебе до того пророчества, если вашего мира оно не коснётся?

– Я просто хочу знать.

Моя собеседница улыбнулась, и покачала головой:

– Всё вьётся вокруг Айрис? Станный ты, ветер, будто и не дух вовсе.

Пристальный взгляд ведьмы внушал беспокойство. Она искала ответы, но у меня самого их не было.

– Ладно, – наконец решила старика, – Расскажу, что знаю, а там уж сам решай, какой оно тебе сдалось. Пророчество принёс нам один из ваших, из духов, и говорилось в нём, что ребёнок, рождённый от ведьмы и друида приведёт в этот мир древнее зло – фомора. Не могли мы этого допустить, вот и забрали у девочки силы магические.

Я нахмурился:

– Ладно Айрис. Сила, данная ей от рождения, делала её ведьмой без всяких обрядов. Но ведь Кехта тогда ещё не был друидом. Посвящение он прошёл, когда Брееде сравнялась пятая весна.

– Нет, милый. Посвящение они проходят для того, чтобы получить признание от каких-то особых духов. А друидами их нарекают в самом начале обучения, вроде как авансом, хотя и величают потом учениками...

Последних слов ведьмы я уже не расслышал. Помогла она разгадать тайну моего странного недоверия к Эйдану, да только легче от этого не стало.

И зазвучало в голове давно забытое:

«Он и так придёт. Не через отпрыска этой Айрис, так через другого.»

Эпилог Айрде

– Такой сильный и такой несдержанный, – донёлся до меня смутно знакомый голос. Потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, кому он принадлежит и кто я, собственно, сам.

– Утомился?

Старая ведьма сидела на стволе поваленного дерева, настолько большого, что ноги женщины не доставали до земли.

Я огляделся. Всюду, куда доставал мой взгляд, лежали корнями вверх вековые деревья, обломки веток, комья земли...

– Это всё я натворил?

– Ну точно не я. Можно было тебя остановить, но захотелось посмотреть, когда ты сам успокоишься, и чего успеешь натворить.

– Как видите, много успел, – буркнул в ответ я, и тоже устроился на поваленном дереве.

– Что тебя так растревожило? Неужто мои рассказы про старое, поросшее быльём пророчество?

«Если бы поросшее!» – я почувствовал, как снова начинаю терять себя. Изо всех сил уцепился за остатки разума, сделал вдох, а на выдохе чуть не сломал ещё пару деревьев.

Старица покачала головой:

– Занятный ты. Слышу, как волнуешься, переживаешь о чём-то, а мысли прочесть не могу. Раньше духи от меня не прятались.

– Вы общаетесь с нашим братом? Но как?

Конечно, ведьма разгадала моё желание сменить тему, однако на вопрос ответила.

– Я не совсем обычно появилась на свет, умерла бы, но духи спасли. Вот и вижу, и общаюсь с вами с раннего детства. Мама говорила, что мне уготована особая судьба, какая-то миссия, предназначение.

Тяжёлый вздох выдал болезненность этой темы для старицы, а мгновение спустя она хитро прищурилась и продолжила уже веселее:

– Так и иду по жизни. С бестелесными духами дружбу вожу, советами помогаю, а иногда и делом, если это в моих силах. Вроде как отдаю долг жизни. Кто знает, может спасение лесов от разбушевавшегося ветра и есть моя миссия?

Ведьма подмигнула, а я уточнил с надеждой:

– Поможете мне научиться контролировать силы?

– Нет. Но направление подскажу. Иди к океану, найди там своих собратьев. Они и помогут, и научат. Это здесь на суше ты можешь позволить себе лететь, не разбирая дороги, не думая, не сдерживаясь. Вода такого не прощает. Чуть отвлечёшься, поднимешь волну – потопишь корабль.

Слова старицы ужасали, и подумалось, что она выжила из ума, раз предлагает подобное.

Но стоило сомнению родиться в голове, как женщина рассмеялась. То ли смогла таки прочесть мысли, то ли взгляд мой оказался слишком красноречив.

– Я не советую учиться за счёт людских жизней. Наоборот. Ты не кровожаден, Айрде, и если сможешь обуздать силы, то только осознавая себя постоянной угрозой. Начни рядом с берегом, не спеши на глубину. Времени много уйдёт, но ты всему научишься. А как вернёшься, заглядывай в гости, буду рада.

Стоит ли уточнять, что я последовал совету старицы? На долгие месяцы полёт стал не целью, а средством её достижения.

Труднее всего было решиться зайти в воду, но и это однажды произошло. Свобода движения, отражение солнца в океанической глади, счастье...

По первости случалось потерять самообладание, растревожить необъятный мир. Но и здесь ведьма оказалась права – как только я вспоминал о своей угрозе людям, контроль над происходящим возвращался в мои призрачные руки.

Мысли о пророчестве больше не вгоняли в беспамяństwo. Мало того, откуда-то пришло смиренное знание – чем раньше случится предначертанное, тем лучше.

И вот, однажды, пролетая над темнеющей гладью, я понял, что могу вернуться домой.

Осеннее солнце ещё только собралось тронуть золотом верхушки деревьев, когда впереди показались первые хижины. Я замедлился, желая проникнуться моментом, насытиться его тревожным волнением.

Дома! Наконец!

Случись мне раньше так распереживаться, деревне грозила бы опасность полного уничтожения, но сейчас я просто оценил своё состояние, и тихо потёк по знакомым дворам. Значит, не зря учился, не зря отсутствовал так долго.

Вот показалась хижина Айрис. Машинально отметил я отсыревшую крышу, покосившуюся дверь, стало быть и Кехта давно не появлялся. Ничего, солому просушить – дело нехитрое, сквозняки в дом не пустить – того проще. Всё сладится, всё поправится.

Пока я размышлял, где в первую очередь требуется моя помощь, дверь со скрипом отворилась, и из хижины показалась Брееда. Бледная, исхудалая, держала она на руках маленькую девочку, а та не без удовольствия мусолила какую-то деревянную фигурку.

Хмурый взгляд пробежал по двору, Брееда ступила за порог и посадила дочь на землю.

– Девона, посиди немного здесь. Я сейчас вернусь.

Девона... Предначертанная, стало быть, предугаданная. Случайно ли досталось девочке такое имя? Или почувствовала Брееда что-то?

Женщина вернулась в хижину, и мы с малышкой остались вдвоём.

Не скажу, что был удивлён, всё было верно – судьба вершила своё дело, колесо пророчества крутилось. Но внутри меня началась настоящая буря, когда я увидел девочку. Разве справедливо, что этому невинному созданию уготовано страшное испытание?

Чувствуя, как контроль ускользает от меня, я медленно выдохнул, подняв с земли облачко пыли. Маленькая Девона с интересом обернулась.

Деревянная игрушка замерла в крохотных ручках, когда взгляд ребёнка встретился с моим.

Случайность? Естественно.

Но девочка неуклюже поднялась и медленно поплелась вперёд, протягивая ко мне ручки.

Сомнений не осталось. Девона видела меня...

ВАЛИУЛЛИНА НИНА

«Деды»

1. Краткое содержание

Оглянись вокруг.

Думаешь супер-герои выглядят как Бэтмен, Человек-Паук или Женщина-кошка? Совсем нет. Возьми старый альбом и внимательно присмотришься к родным лицам.

На меня с пожелтевших фотографий глядят: молодцеватый дед в кепке набекрень и красавица бабушка, строго сдвинувшая брови. Мама – забавная и потешная девчонка. Папа – бравый моряк. Просто герои. Без плащей и сверхспособностей. Просто всегда рядом. Свои, родные.

Вот об этом и будет речь. О семье. Об упорстве и трудолюбии. Смене эпох, через призму слез и смеха.

Калейдоскопом мелькают лица, меняется антураж, остается человек.

Один на один со своими достоинствами и недостатками, со своими мечтами и неудачами. И именно от человека зависит, как ему жить. Об этом и пойдет речь.

Мои главные герои дед: Мальцев Дмитрий Герасимович и Сентякова Клавдия Александровна.

Деды. Прошли войну, тяготы, горести. «Живы будем – не помрём!» – как наяву я слышу их голоса. Папа и мама пережили лихие 90-е и подняли нас четверых на ноги.

Скажешь, было просто? Нет! Это коснулось каждого. Вот они, супер-герои, только руку протяни.. в каждой семье.

Обними их сердцем и скажи благодарю, хотя бы за то, что ты есть.

2. Пролог.

Май окутывал своим очарованием. Одурачивающий запах сирени кружил голову. Клейкие листочки только развернули свои нежно-зеленые флажки.

Детвора носилась в броуновском движении. Звонкие голоса мелодичной нотой вливались в весеннюю симфонию жизни. Старушки – божьи одуванчики заняли свои насесты и обсуждали насущные дела.

Вся эта пасторальная благодать разбивалась об одну-единственную мысль: «Дед, как же так? Ты не можешь». Бреду сквозь пелену, с трудом передвигая ноги, ставшие вдруг непослушными. Цепляюсь за мужа, как за спасательный круг.

Дед зовет, – сказала мне бабушка по телефону, – приходи быстрее.

– Попрощаться? – крутится предательская мысль. В горле ком, глаза сухие. Надо держать себя в руках, не реветь.

Предательски сокращается желудок. Токсикоз дает «прикурить».

Шаг, ещё шаг. Знакомая дверь не запрета, заходим. Запах лекарств и осязаемой грусти встречаются в коридоре.

Странно устроен человек, вроде всё осознаешь, но верить в очевидное отказываешься.

– Дед, привет! Ты чего удумал болеть? – сглатываю накатившую волну слёз.

Дед лежит. Высохший, впервые на моей памяти с щетиной. Улыбается.

– Да, так получилось, Нинуха. Врачи говорят анализы у тебя, Дмитрий Герасимович, интересные. Ещё и бабка ругается... я позавчера на дачу ушёл, принял две капсулы, конечно, – тихо смеётся. От лекарств всё равно толку никакого.

Сдерживаю слезы, плакать нельзя. Дед расстроится.

– Ничего, не расстраивайся. Живите дружно, уважайте друг друга, – говорит дед.

Молчим. Слова бессмысленны.

Время в комнате застыло, как в стоп-кадре. Навязчивое тиканье часов отсчитывает секунды. Неотвратимость. Глухая, беспросветная. И ничем не помочь, и никак не остановить. Бабушка кивает нам, – идите домой.

Голос деда останавливает: «Жаль внука не увижу». – Да, дед, жаль, – соглашаюсь с ним молча.

Выхожу из комнаты, задыхаюсь. Ощущение, что ещё чуть-чуть и ты разлечусь от горя на мелкие кусочки и никогда себя не соберу. Ноги с головой начинают жить собственной жизнью.

Через полчаса деда не стало. Он ушел первый из старшего поколения. Хранитель традиций, собеседник, каких мало.

В тот день пришло понимание, что никто не вечен и любить нужно живых.

Дед, спасибо тебе за всё. За любознательность, за мудрость, за бесшабашность, за Победу.

Соберу кусочки памяти, сохраню их бережно для себя, для детей и внуков.

Расскажу как бегал ты, дед, босоногим мальцом, а в шестнадцать лет ушел на фронт. Не забуду про бабулю и про остальных тоже обязательно вспомню.

Глава 1 Дед

Я лежу на ковре с книгой. Что может быть лучше? Другие миры, приключения, погони, схватки. Пространство изменяет свои границы, запросто можно путешествовать во времени.

На стене висят портреты: бородатый прадед и прабабка. Болтаю ногами и проглатываю страницу за страницей.

– Ба, а кто это? – спрашиваю беспечно. – Это твой прадед Мальцев Герасим Степанович и прабабушка Алёна, – терпеливо объясняет бабушка в десятый раз. Родители твоего деда.

Ноябрь 1926 год. Алтайский край село Гуниха.

Низкое, свинцовое небо давит на крыши изб. Морозный воздух пахнет снегом. Зябко.

В избе пасечника хозяин, две соседки и притихшие ребятишки за шторкой на полатах. Хозяин дома Герасим степенно оглаживает свою окладистую бороду. Волнуется, но вида не подает. Время кружит своими потаенными тропами, растягивая мгновения в вечность. Наконец, распахивается дверь и тетка Анисья выдыхает: «Герасим, сын!».

Прадед довольно крикает, повторяет: «Сын! Последыш!». И, правда, дед родился шестым, последним ребёнком.

Маленький, щуплый, беспокойный. Задира и забияка, он с детства отстаивал свое я. И называли его не Митька, а Дмитрий Герасимович.

Едва деду минуло пять лет, кончилось детство. Родители ушли один, за другим, и дед остался сиротой. Сироту приютила тетка Татьяна. Старшие дети выросли и уехали, а младших разобрала родня. Время было непростое, голодное, смутное, страшное. Хлебозаготовки, бывшие тяжёлым кнутом судьбы по хозяйствам. Коллективизация. Раскулачивание.

Дед вспоминал: «Эх, помню бегал пацаненком, были мы вечно голодные. Грибы, ягоды спасали..зимой приходилось совсем туго». Щедрая природа Алтайского края кормила своих обездоленных детей.

– Деда, а расскажи, про своё детство? – как-то спросила я.

– Какое там детство, – отмахнулся дед, – все работали. Отучиться я успел всего два класса. – Вам теперь хорошо, учишься – не хочу!

Дед всегда был охотч до знаний. Живой, пытливый ум не давал рукам покоя.

– Дед, а дальше? – Дальше пришла война. Всех годных мужиков демобилизовали, в деревне остались бабы, да ребятишки. А в 16 лет я сбежал, приписал себе два года и пошёл на фронт. Да, кто там тогда смотрел или проверял. Две руки, две ноги, иди.

– Попал я на Тихоокеанский флот, юнгой. – Дед, воевать приходилось? Какая она война? Подвиги совершал? – мучила я вопросами деда.

– Война страшная, – отвечал он. – Грязь, кровь, – вздыхал и закуривал, задумчиво глядя в потолок. – Воевать приходилось, – нехотя говорил он. Когда фрицев разбили, япошкам хвоста накрутили. Подвигов? – Нет, не совершал, не успел, – скромничал дед.

И каждый год 9 мая в любую погоду шел на парад в парадном пиджаке, увешанном наградами.

Вот и всё, что мне удалось узнать у деда. Говорил он о войне неохотно. Повторял одно: «Не дай Бог, вам это испытать! Живите мирно!»

До 1947 года дед продолжал служить на Тихоокеанском флоте, демобилизовался и подался на поиски родственников. Сначала нашёл сестру Грушу, а потом обосновался в Прокопьевске. Там, в госпитале познакомился с красавицей Клавой. Строгая и неприступная, статная медсестричка стала моей бабушкой.

Глава 2 Бабушка

– Ба, а у нас в роду дворяне были? – уплетая ажурный блин, допрашиваю бабулю.

– Какие дворяне? – смеётся бабушка, – крепкие хозяева были. Всего достигли своим трудом и своими руками. Прадед «кулаком» был. – Как кулаком? – мои глаза расширяются от ужаса. Они же эксплуататоры!

Бабушка внимательно смотрит на меня, – нет! Пахали от зари до зари – да. Детей пытались вырастить, прокормить. Свои же и раскулачили, за то, что работали на совесть и хозяйство тянули, – тяжело вздыхает.

Потом надолго замолкает. Молчу и я. В голове каша. Воспитание в лучших традициях советских школ и бабушкин рассказ кружат в мысленном поединке.

Выгнали из дома в один день, в чём были, в том и в дорогу отправились, – продолжила бабушка и снова замолчала, погружаясь в прошлое.

Выехало их на место ссылки тринадцать человек, родителей и детей. 1775 километров из села Барское (Октябрьское) до Прокопьевска, без еды, без одежды, без надежды на будущее. Из одиннадцати детей у прадеда Александра Дмитриевича и прабабки Екатерины Яковлевны, осталось трое, в их числе моя бабушка.

Селили врагов народа в сколоченные наспех дощатые бараки, продаваемые всеми ветрами. Часто с земляными полами. Эпидемии в бараке бушевали жуткие. Сосланная семья не имела права никуда переселяться с места высылки. Так и жили в барака, ожидая решения своей участи.

Трудности, трудностями, а баба Клава успешно выучилась в медицинском техникуме и начала работать в госпитале.

– Ба, а ты с поля боя вытаскивала раненных? – спрашиваю в канун 9 Мая. – Что ты, внуча, раненых хватало, везли с фронта эшелонами, мы с ног сбивались.

За молоденькой и красивой медсестричкой ухаживали многие. В госпитале она познакомилась с первым мужем Фёдором, родила сына Николая.

Как часто бывало в те времена, муж оказался женат. Моя принципиальная бабуля узнав об этом, бросила его, не раздумывая.

Вскоре жизнь свела их пути с дедом. Долго не выпускала она его в свою жизнь. Так ведь и деду не занимать настойчивости. В конце концов, бабушка сдалась бравому моряку, они стали жить вместе, поженились.

До 1953 года деды были из-за бабушки невыездные, а после смерти Сталина и амнистии собрали свои нехитрые пожитки и отправились в село Октябрьское, откуда были, казалось, навсегда изгнаны.

Глава 3 Октябрьское

В 1953 году домой в Октябрьское приехал целый табор. Прабабка Катя, прадед Александр, дед, бабуля, сыновья Коля и Шурик, первенец деда и бабы. Дом на малой родине манил. Все горести и обиды были забыты, осталось одно на всех желание – вернуться.

Время выдалось хлопотное. Помимо переезда, ждали появления на свет моей мамы.

В селе жили многочисленные родственники с бабушкиной стороны. Вернувшееся семейство встретили и на первое время приютили. Дед не стал тянуть и построил небольшой, по силам дом. Посадили яблоневый сад и зажили спокойно, без оглядки на прошлое.

Село было дружное. Всем миром построили школу, в постройке участвовали даже дети. Клуб тоже возводили сообща, новогодние ёлки, выступления местных артистов проводили в нем. Праздники, сабантуи справляли весело с гармонью, песнями, плясками.

Праздновали не только советские праздники. Вот – Пасха. Едет на мотоцикле председатель совхоза, кричит бабушке: «Христос Воскресе, Клавдия!». Та отвечает: «Воистину воскрес!». Председатель с досадой: «Воскрес-то воскрес, а целоваться не даешься!». В Святки ходили по дворам колядовали, ну и само собой, не забывали день красный день календаря – 7 ноября. Скучать не приходилось.

Бабушка продолжила работать по медицинской части в больнице, дед электриком. Потихоньку быт стал налаживаться и они начали ездить на курорты, поправлять надорванное за тяжёлые военные и послевоенные годы.

Поразительны и трогательны чувства, которыми полны их письма друг к другу во время этих кратких разлук. Бабушка пишет: «От тебя получили посылку, пять открыток и два письма, за что сердечно тебе благодарны. Митя, родной, ты не представляешь как я рада твоему такому полезному и увлекательному отдыху... Я читала твои письма и открытки плакала от радости, что ты так хорошо отдыхаешь».

В 1960 году деду пришлось перенести тяжелейшую операцию. В ответ на письменную бабушкину поддержку, дед пишет: «Пишешь, чтоб я не падал духом, да разве я когда падаю духом?... Хватит об этом, ерунда. Один раз умирать».

В этих строчках весь их характер, сила духа и чистота души.

И все бы было хорошо, если бы в 1961 году не пришла беда, которую не ждали. В свои 10 лет погиб сын Шурик, утонул. Семью ждали испытания и перемены.

Глава 4 Потери

– Клава, Клавдия Александровна, беда! – Шурик твой.. утонул, – упала каменной глыбой на сердце бабушки страшная весть. Десять лет было моему дядьке, когда его не стало.

Горе подкосило семью. Особенно ранило бабушку. Иногда, в памятные дни она мне говорила: «Не дай Бог матери пережить дитя». Маме тоже досталось. С братом они были очень дружны. Везде вместе, все проказы и все детские заботы делили пополам.

Горевал и дед, но по-своему, он решил уехать из села. Бабуля осталась «на хозяйстве», дед устраивался на новом месте. Сначала попытал счастья в Крыму, потом поехал дальше по Союзу. Остановился на Уштобе, городке в Алматинской области.

Переписку того 1961 года без душевного трепета читать невозможно.

Невероятной души и терпения бабушка писала: «Почему ты пошёл на работу, не дождался перекомиссии. Нужно было отдохнуть, я этого не одобряю. Но вообще-то поздравляю с выходом на работу и желаю успехов в работе». «Береги себя, там говорят у тебя очень плохие условия труда, плохое помещение.

Само собой, не обошлось в этой истории без «добрых людей». По селу пошли слухи и сплетни, которые бабушка с мамой тяжело переживали.

Надо сказать, что моя справедливая и честная бабуля могла постоять за себя, и делала это с большим достоинством: «Я ему сказала мне пятый десяток и обо мне не хворайте, я как-нибудь сама о себе поболею без сочувствующих. Пока руки-ноги, а также голова на плечах».

Так всю жизнь и жила, надеясь только на свои силы, без единой просьбы о помощи.

Проходили дни без деда в бесконечных хлопотах: подмазать дом, выкопать картошку, сделать заготовки, задать корма скотине, да мало ли этих дел в деревне. Мои безропотные хозяйки не жаловались, тянули свою лямку без лишних слов. Иногда приезжал старший бабушкин сын Николай, помогал, чем мог.

Долго ли коротко, семья воссоединилась. Нашли подходящий домишко в Уштобе, и начали в который раз обживать.

Мама ждала душистые персики из сада, мечтая есть их тазиками, а бабушке становилось все хуже и хуже. «Не климат», – развели руками врачи. Сердечко, надорванное горем, стало сдавать. Пришлось домочадцам опять собирать вещи и искать новое место жительства.

Глава 5. Мама

– Я училась на круглые пятёрки, и была разбойницей, – торжественно заявляет мама и глаза её блестят от удовольствия.

Как я понимаю, вспоминаются совсем не «пятёрки», а проказы. Да разве ж попытаешь? Только рассказы кусочками и под хорошее настроение.

Ловлю момент. Спрашиваю, – мам, расскажи!

Расправляет морщинки и улыбается, – бывало растянем верёвку на улице, темно, ничего не видно, кто-нибудь идёт, мы верёвочку... раз и натягиваем. Хохочем, – задумывается и хихикает.

– Ай-ай, – качаю головой, а мама улыбается как девчонка и снова вспоминает.

– Как-то мама (бабушка) привезла мне из Москвы две маски: негритенка и клубнички. А у деда по случаю оказались красные штукетины. – Пап, сколоти мне крест, – говорю. – Надо, так надо, на тебе дочь крест.

Дочь надевает на себя слой марли, маску негритенка и берет в рученьки красный крест. И весь этот анти-куклусклан тащится в гости к интернатским детям. Радовать.

Темно, марля развеивается лёгким летним ветерком, лица нет, только жуткая маска. Тук-тук, в окошко красным крестом и ручками эдак изящный взмах. Училка в обморок, дети под кровати попрятались. Писк, визг. Ничего не скажешь, пораааадовали.

Поток воспоминаний не иссякает, – а какие дивные битвы мы устраивали портфелями, и ещё с горки на них катались. – Эх, мама, мама, молчи, грусть, – думаю я.

Но, не проказами едиными. Мама была бы не мама, если бы не вела активную концертную жизнь. – А мне чего, – рассказывает она, – пойду к председателю, попрошу машину и едем в соседние села с программой. – Чего давали? – смеюсь я, – неужто Шекспира?

– Да всё! Стихи читали, песни пели, спектакли ставили, я даже кукол делала для кукольного театра. С тем и ездили.

Телевизора и интернета не было. Развлекались, как могли, и ведь здорово было, весело.

– Мам, ещё?! – интересно, вдруг ещё чего вспомнит. Точно, вспомнила, – баба Клава была рукодельница редкая, чего только своими руками не делала. И шила, и вязала, и вышивала. Я тоже стала шить. Да как!

Оказывается, ручками работать и творить красоту – это семейное.

Бабушка часто вспоминала, что мама в юности была отчаянной спорщицей. – Спроси мать, как она лысая ходила, – кивала она на маму.

Интересуюсь, – ходила? Жмурится, – было! Пospорила, что подстригусь налысо. – И что? Подстриглась! Кудри каштановые обрезала, потом в косынке пришлось в школу ходить.

К замужеству волосы отросли, а количество проказ убавилось. К моему рождению мама была совершенно взрослая и серьёзная дама.

Глава 6 Чемодан

Детство моё было насыщенным и весёлым. Нашли меня не в капусте, а в чемодане. Мама сделала финт ушами. Родила, через одиннадцать дней защитила диплом, ещё через четыре дня, родители переехали в казахстанский Степногорск с чемоданом, вместо люльки. Там и нашел меня дед, когда пришёл домой с работы.

В то время родительницы не сидели дома в декрете, выходили на работу через шесть месяцев после родов. Детей пристраивали в ясли или оставляли с няней. Мама – молодой, дипломированный специалист тоже начала трудовую деятельность, деваться было некуда.

От детских лет остались воспоминания, бережно записанные бабушкой в блокнот. Судя по всему, я только и делала, что болела. Домашние доктора лечили, не жалея сил. Мазали горло керосином, ставили горчичники и банки и делали компрессы на спирту.

В 1980 – год Олимпиады в Москве родилась моя сестра и стало ещё веселее. Теперь можно было болеть вдвоём, вместе, или по-очереди.

Довольно часто я оставалась у дедов и бесконечно просила деда, почитай! Из первых книжек помню «Волк и семеро козлят» в таджикском варианте. Герои там были Алюль, Булюль и Хиштаки-Саританур. С тех пор, дед меня звал Алюль-Булюль.

Утомительно читать вслух бесконечно. Но, дед терпеливо читал, а бабушка на ночь рассказывала сказки. В шесть лет я сама научилась складывать буквы в слова и начала свой книжный путь с «Белый Бим-Черное Ухо». – Баба, я книжку прочитала, всю! – Не может быть! – Может! – Она толстая! – Тогда слушай, я тебе перескажу.

И надо сказать, это стало привычным занятием. – Здравствуйте, примите книги, шесть штук! – Девочка, ты их вчера брала! Я их прочитала. – Не может быть.. Может, если любопытство сильнее тебя.

Кроме чтения, занятий было много. У бабушки был роскошный буфет с сокровищами.

Там хранилась большая коробка с пуговицами, из которых можно было создать Вселенную. Путеводители по Москве, открытки с репродукциями знаменитых картин. Потрясающие альбомы, со старыми фотографиями в бархатных обложках. Железные сантехнические шурушки, которые можно было скручивать в разные фигуры.

Это был портал в другой мир. Можно было побродить по Третьяковке, посетить Крым, стоило только подключить воображение.

А летом было раздолье. Дача, грибы-ягоды. Широкая степь в ковыле. Полевые цветы. Рыбалка с дедом и обязательный номер программы – песни.

Как только машина выезжала за городскую черту, запевали дедовскую любимую: «Малиновки слышав голосок, припомню я забытые желанья..».

Глава 7 Папа

Пока противник рисует карты наступления, мы меняем ландшафты, причём вручную. Когда приходит время атаки, противник теряется на незнакомой местности и приходит в полную небоготовность. В этом смысл, в этом наша стратегия (цитата из кинофильма «ДМБ»).

В этом весь смысл и вся стратегия нашей семьи. Главный по смене ландшафта – папа. За десять дней построить дом? Легко!

Дело было в далёкие 80-е. Тогда он отправил маму в санаторий-профилакторий, а сам принялся за постройку дачного дома. И не какого-нибудь курятника, а самого, что ни на есть настоящего дома из белого кирпича, добытого по страшному блату.

Мама уехала отдыхать, когда на участке одиноко страдал фундамент, а приехала в готовый дом под крышей. Дальше – больше. Бассейн, с системой сообщающихся сосудов для полива. Другой дачный домище с колоннами и баней по науке. И ещё один бассейн.

Такого в те времена не было ни у кого. Было всё: ванны, бочки, цистерны, а большой бассейн был на даче только у нас.

После бани и бассейна, самое приятное – примостится на качелях с кружкой чая со смородиной или мятой. И именно поэтому, первым делом, во дворе папиными стараниями появляются качели.

Мы переехали обратно в Новосибирск, и купили «избушку на курьих ножках». Само собой, первыми строениями на новом месте были: совершенно шикарный унитаз и качели, которые было видно далеко-далеко.

Только потом, мы общими усилиями, построили большой дом по всей науке.

Блиц-криги по поклейке обоев, пятилетка за три дня – это по-нашему. Золотые руки, целая пачка рационализаторских предложений, миксер, Даросваль своими руками и миллион нужностей – это к папе.

Поговорить обо всем, запомнить сто тыщ миллионов фактов, обсудить политические вопросы, бесконечные знания во всех сферах – тоже наш папа.

Потрясающие рисунки простой шариковой ручкой. Стихи... и снова золотые руки, к чему бы не прикасался.

И это не самый главный козырь. – Я любила отца за чувство юмора, – всегда говорила мама. И это совершеннейшая правда. Серьёзно! Весь Камеди нервно курил бы, если бы папа вышел на сцену. Бабушка с благоговением говорила: «Ну ты язва желудка, Владимир Николаевич!», – и нежно любила зятя за чувство юмора.

Изготовление рогаток, постройка скворечников, костры, походы, пикники – лучше компаньона, чем дед не найти.

Все мои супер-способности сделать ремонт за день – это наследственное, в папу.

Каждый день стремление учиться, совершенствоваться, узнавать новое, не сидеть на месте – это тоже папа.

Глава 8 Память в ладошках

Мудрый человек учится всю жизнь. Всему, что можно впитать и применить на практике, или просто оставить в кладовой памяти. Вдруг пригодится.

Такой человек, как губка: читает книги, подмечает нужное у других людей, находится в вечном поиске истины. Для него нет разницы, у кого учиться, если от этого есть польза.

Самому интересному можно научиться у детей, так считал дед. Он всегда живо интересовался учёбой, и поэтому мы делали всё вместе. И уроки, и поделки из книги «Сделай сам».

Так вот! В третьем классе я притащила деду тетрадь с дневником наблюдений, по окружающему миру. И всего-то дел, нужно отметить температуру, и нарисовать облачность.

Но, мне тогда было скучно. Разве ж можно какие-то наблюдения сравнить с практическим изучением природы? Померить лужи в резиновых сапогах или посвистеть в свистульки из стручков акации, куда интереснее. То-то.

А деда это увлекло. «Научный подход!», – сказал он и принялся заполнять дневник. Каждый день, на протяжении двадцати лет. Погода, облачность, значимые события и в стране, и в семье.

Это завораживает. Листаешь странички 1985 год, 1986 год – рождение сестры и авария на Чернобыльской АЭС, 1987 год – рождение брата, 1991 год Горбачев вышел из КПСС, а следом СССР превратился в СНГ, 1993 год – денежная реформа.

Я могу открыть любой год и увидеть: ага, тогда шёл дождь, валил снег или шумела гроза. Увижу события, которые происходили в те годы.

У меня до сих пор мурашки до самого сердца. Только вдумайтесь, каждый день! Вести дневник, не прерываясь ни на один день.

С одной стороны, такая вроде мелочь. А с другой стороны, невероятно. Память, которая останется с нами, пока мы листаем эти тетради с пожелтевшими от времени листами.

Глава 9 Принцессы на горошине

– Ба, пойдём уже, – канючила я, когда мы, заходили в магазин с тканями и торопила на выход, за мороженым по 15 копеек.

– Подожди, надо проверить, дышит или нет, – важно отвечала бабушка и пыхтела через ткань. Если ткань «дышала», бабуля покупала отрез, если – нет, висеть материалу дальше, до следующего менее разборчивого покупателя.

Гораздо позже. – Мам, ну что ты её мнешь? – тороплю маму, которая щупает ткани в магазине и задумчиво смотрит в потолок. – Как это что? А если к телу не приятно? – отвечает мама. Носить же невозможно будет.

Наши дни. – Мама, что ты там копаешься? Вот красивая ткань, и вот, покупай и пошли, – дёргает меня Каринка за рукав. А я трогаю, дышит или нет, мягкая или так себе.

К этому вопросу о принцессах на горошине, есть у нас в семье анекдот из жизни.

Бабушка с сорока пяти лет готовила себе гардероб в мир иной. То платье новое, то воротничок кружевной, а уж красивую обувь – обязательно. Вдруг чего.

Вооот. Прихожу как-то к ней в гости, она достаёт новенькие с иголки туфли, надевает и говорит: «Тесноваты!». Прячет в шкаф, потом достаёт и говорит мне: «На-ка, внучка, разноси!». Разноси, так разноси. Напяливаю непокорную обувь и шлепаю по дому. Мне туфли великоваты слегка, но я не сдаюсь – разношью, стараюсь.

Интересуюсь: «Ба, а зачем тебе эти туфли?». – Как зачем? Умру я, вы мне их оденете, а они жать будут. Неудобно же, – спокойно объясняет бабушка. – Ааа, вон оно как, – киваю я согласно головой.

Прошло ещё много лет, бабушка сменила ещё несколько пар туфель и нарядов и ушла от нас в дышащем платье и удобной обуви. А мы до сих пор вспоминаем этот случай и хохочем.

Хотя, по правде говоря, что-то давит на сердце. Не иначе синтетика... дышать нечем.

Глава 10 Воля к победе

Какой праздник без музыки? Правильно – скучный!

Дед мой, человек лихой и задорный музыку очень любил. Играть на гармонии – было его заветной мечтой. Только осуществить мечту было некогда. Босоное детство не баловало, потом пришла война. Ну, а затем, закружила-завертела жизнь. Дети, работа, заботы.

Легче стало только на пенсии... зимой. Если характер дюже живой и непоседливый, тут уж отдельный разговор. И мечта, мечта тоже не спит, щекочет. В общем, купил себе дед гармонию. Принёс домой, достал блестящую красотку. Довольный, растянул меха, – эх, хорошо!

Гармония послушно пикинула, кнопками своими новыми подмигнула, надписью сверкнула. Хороша.. Дед её бархоткой протёр и убрал обратно в чехол.

Играть-то не умеет! Пошёл на поклон в музыкальную школу, – мол, возьмите меня грызть гранит науки. – Ты что, дед? У меня тут семилетки, и ты будешь сидеть. Нет, не возьмём, – сказал, как отрезал директор музыкалки. – Ну раз так, думает дед, – сам выучусь! Добыл два самоучителя, и попутно прикупил баян. На всякий случай!

Самоучители – хорошо, но скучно. Поэтому дед придумал свою систему обучения и схемы, по которым раскрасил кнопки инструмента. Через три месяца дед дебютировал на празднике с заводной мелодией:

Эх яблочко,

Да на тарелочке!

Надоела мне жена —

Пойду к девочкам!

Конечно, как не выучить «Синий платочек»? Дело святое, учили вместе, вдвоем подпевая песню не в ноты. Упорство и труд, всё перетрут.

Сбылась мечта деда. Играть на праздниках на своей гармонии. Держать в руках свой собственный инструмент.

Скажите – ерунда? А я скажу – нет! Нет ничего недостижимого для человека, если он действительно хочет этим заниматься. Нет никаких: «Ой, долго! Руки не из того места!». Есть: «Хочу и сделаю!»

Для меня это урок о том, что к своей мечте нужно идти. И воплощать в любом возрасте. Тогда она наверняка сбудется.

Может быть поэтому, у нас в семье не говорят: «Я не умею!». Просто берут, и просто делают.

Глава 11 Когда руки не для скуки.

У бабули в комнате стоял совершенно потрясающий зелёный пиратский сундук с сокровищами. Конечно, он был не пиратский, но, определённо был волшебный.

Когда бабушка была настроена благодушно, она открывала сундук и доставала красоту. Вышитые салфетки, полотенца, кружевные воротнички. Головокружительно! Лучше, чем золотые дублоны. Все бабушкины сокровища можно было разглядывать часами. Среди вышивок водился даже портрет В. И. Ленина, крестиком. В сундучке хранились потрясающие картины гладью с фантастическими цветами и птицами.

А ведь тогда не было ничего. Ни схем, ни наборов, как сейчас. Только сарафанные курсы. Но, Боже мой, как всё красиво, ровно, ювелирно.

Надо ли говорить, что приданое нам, внукам, бабуля тоже собирала в волшебный сундук. Рушники для хлеба и соли на свадьбу. С петушками, сердечками, кольцами, надписями «Совет, да любовь».

Бабушка учила меня держать иголку с ниткой, крутить ручку швейной машинки и... терпению, которого не было. Салфетки, варежки, носочки, следочки – руки у бабушки были заняты постоянно.

Своё умение шить бабушка передала моей маме. Мама шила всегда, сколько я себя помню. Юбочки, сарафаны, платья, брюки – буквально всё! Когда появились журналы Бурда Моден, она шила наряды оттуда.

При отсутствии в то время, разнообразия в магазинах, у нас были самые модные и необычные наряды. Порой, мама шила целыми днями, успевала отшить платья и на заказ.

Мамины руки тоже никогда не знают покоя, то одно, то другое. Занятные вещицы выходят: цветы, поделки, игрушки.

Странно было бы, если б остальным игрокам нашей сборной не достались хотя бы крохи от женских способностей в семье.

По традиции, я тоже не могу сидеть просто так. Шью, вяжу по мере своих скромных способностей, а Каринуль виртуозно владеет ножницами и моделирует платья для кукол.

Таки это гены, думаю я. Или личный пример? В любом случае, всё не зря.

Глава 12 В большой семье

Нас у родителей четверо. Три девки и один, наш собственный Владимир Владимирович – младшенький.

Как мама с нами со всеми справлялась – не знаю. Известно, мамина служба и опасна и трудна, и на первый взгляд как-будто не видна. Попробуй-ка накормить, обстирать, одеть, обшить, помирить, утихомирить, вылечить четверых. Непростая история.

Я помню, приходила из школы и мама кормила меня горячим обедом. Какое счастье, когда мама кормит вкуснейшими пирожками, или огненным борщом. Это начинаешь понимать не сразу.

А каково было лечить лазарет, если вдруг в дом пробирался зловредный вирус? На ногах двадцать четыре часа в сутки: померить температуру, дать лекарство, намазать горло, поставить горчичники или банки. Уроки, шитье, плита – весь день, как белка в колесе.

И все-таки, папа с мамой находили время для общения, собирались компаниями, пели, танцевали, разговаривали, обменивались книгами.

Есть у нас в семье своя традиция из детства. Что бы ни случилось, обедать и ужинать вместе за одним столом. В тишине и спокойствии, даже Владимир Владимирович за столом вели себя прилично под папиным орлиным взглядом.

Летом нас десантом выбрасывали на дачные просторы. Чего некоторые десантники не любили. Но, что делать? Ягода с грядки – самая вкусная, а бассейн после прополки травы особенно хорош.

Конечно, и у нас были свои развлечения и компании. Дворовая банда, Зарницы, смотря строя и песни. В моем детстве, всё было совсем по-другому. Можно было уйти утром и прийти с первыми звуками программы «Время». Так мы и росли. Весело и не очень.

Пока не выросли. И сейчас мы чувствуем себя детьми, пока рядом с нами папа и мама.

Эпилог

Пролетели трудные послевоенные пятидесятые, прошли шестидесятые и семидесятые. Благополучные восьмидесятые завершили свой бег и начались сложные, переменчивые девяностые.

Сложно было подстроиться и понять перемены. Сдюжили, выжили. Не мытьем, так катаньем.

Бартеры, макароны, сникерс кусочками на всю семью. Задержка зарплат месяцами. Выкарабкивались, как могли. Родители делали ремонты, сестра рисовала картины на продажу. Живы будем, не помрем!

Начались двухтысячные. Решились на переезд в Новосибирск. И опять, покой нам только снится. Начинать на новом месте? Можем! Стройка, обустройство, работа. Хлопоты.

И за этим всем семья. Сила рода. Если наши деды смогли, значит и нам по силам.

По силам и по плечу. Пережить не только трудности, но и суметь жить в радости.

Главное, помнить, главное не забывать. О том, что рядом с нами настоящие герои. Наши мамы и бабушки, наши папы и деды.

И пусть это поймёшь не сразу, но когда-нибудь обязательно поймёшь и оценишь.

С радостью вспомнишь походы за грибами и на рыбалку. Мандарин, принесенный «зайчиком». Мамину руку, охлаждающую горячий лоб. Бабушкины пышные, румяные пирожки. Праздники и дружные чаепития.

Каждый вспомнит своё, то, что даст силы и согреет душу в ненастный день.

То, что нужно обязательно передать своим детям.

ВИНЯРСКАЯ ЕЛЕНА

«Бородин, на выход!»

Все события, имена героев и персонажей этой саги вымышлены, совпадения случайны и не имеют ничего общего с реальностью.

Пролог

В доме приятно пахло травами, табаком и выпечкой. Мама любила табак и он был повсюду. Нет, она не курила, просто держала его в пиалах, вазочках, розетках, коробочках и стаканчиках по всему дому. Тут было и «Золотое Руно» и «Дикая вишня» и кто знает, какие еще сорта и марки. Все знали мамину любовь к аромату несожженного табака, везли его отовсюду и, мама была довольна. Когда шепоть-другая высыхала, она могла собрать табак, завернуть в полиэтилен вместе с несколькими дольками яблока, дать отлежаться, а потом снова сложить в посуду чуть побольше. Кто курит трубки, знает этот небольшой трюк.

Младший Бородин, как всегда, опаздывал, но его никто не ругал. Так бывает. Всеобщий любимчик, домашние души в нем не чаяли, хотя он не всегда этого заслуживал. Называли его Егорка или Егорушка и, он ни в чем не знал отказа, был хулиганом и маме не раз приходилось краснеть в школе. Все его подвиги, как и буйный нрав были написаны на озорной физиономии. Физе, как говорили они сами, щеголяя друг перед другом разбитыми коленками, синяками, ссадинами и фингалами, подранными рубашками, куртками и штанами, но несмотря на все это, учился он хорошо. Видимо поэтому, его так и не перевели в вечернюю школу, куда попало большинство его дворовых приятелей.

Как давно это было...

Семья уже давно не собирается вместе: не потому что негде, а потому, что центром всех сборов и посиделок всегда была мама. Именно она умела, могла, а главное хотела объединять всех. И не важно, за столом ли, на даче, в поездках. Они сами не понимали, что Вселенная, их Вселенная всегда вращалась вокруг нее, а теперь мамы не стало. Ее сердце не выдержало и разорвалось. Она ушла тихо. Во сне.

Из суда она пришла бледная, попила чаю, ужинать не стала, а утром ее нашли уже мертвой. Никто не описывал все эти отвратительные процедуры друг другу, они и так были понятны да, и потом, никто лишний раз не хотел вспоминать события тех дней. Тогда, Егор Степанович всего этого не видел: из зала суда, после оглашения приговора, его перевели в исправительную колонию общего режима, но следователь пожалел и отпустил на похороны... Конечно же, под конвоем.

Родня косилась, но ему было плевать, тупая боль поселилась внутри навсегда. Мамы не стало... и все треснуло, как часы, которые остановились в момент ее ухода. Их было пятеро: мама Полина Ферапонтовна, папа Степан Кузьмич, Сашки двойняшки, Александр и Александра – неугомонные защитники, старшие брат и сестра, и он – меньшей. Дедушки и бабушки ушли рано, поэтому дети росли в городе, точнее в городском дворе. Мама с папой работали, а дети учились, ходили в кружки при Доме пионеров и разбойничали во дворе. Иногда их отправляли в пионерский лагерь, но это было нечасто. Большую часть времени они были предоставлены лету и самим себе. Это было здорово. Все младшего баловали. «Забаловали»... – шептались соседи и что есть силы сторонились заключенного и его конвоиров. А сестра с братом все время стояли к нему, как можно ближе, еще перед церемонией, они почти хором выдали ему громким шепотом, который не слышал только ленивый:

– Мы верим, что ты невиновен...

И он плакал, первый и последний раз в жизни, несколько непрошенных слезинок скатилось по щекам. Егор Степанович еле сдерживался, чтобы не завывать в голос: он знал, что мама ушла из-за него, но что он мог поделать... Выбрать другую профессию? Даже в мыслях это звучало абсурдно. Его сердце разрывалось и от угрызений совести, и невозможности что-либо изменить. События последних месяцев слились в один временной блин, в котором были дни и, почти не было ночей. Вероятно, он спал, но события изменили хронологию происходящего, а ему надо сохранять максимальную ясность рассудка, чтобы выжить – раз и, доказать свою невиновность – два. Но все это будет позже. Много позже...

Глава 1. Домашний уют

Егор Степанович Бородин сидел на нарах, сжав голову руками, от головной боли это не спасало, мысли вихрем носились в голове, перенося в недалекое далекое прошлое. Мать хлопотала на кухне, откуда доносился умопомрачительный запах домашних котлет. Никто и никогда не готовил так, как это делала Полина Ферापонтовна. Одна треть говядины и две – нежирной свинины, батон, вымоченный в горячей воде, картофель, лук и чеснок, мясо с картофелем – все два раза пропустить через мясорубку, хорошенько вымесить, посолить, поперчить, еще раз вымесить, отбив прямо с кастрюлей на деревянном подоконнике кухни сталинского дома, смочить руки в холодной воде и на сковороду с минимумом постного масла. После каждой порции обе сковороды обязательно мылись тогда не было этого отвратительного привкуса «пережарки», как у других. В желудке предательски заурчало, он вздрогнул и снова застыл. Сколько просидит так... час-два... три... Бессонница и легкие ночные шорохи, а в душе оглушительная тишина, которую нарушали слова двух Сашек: «Мы верим, что ты невиновен...», до остальных дела нет, главное – свои верят.

Ветер слегка развивал непослушные Егоркины волосы, давно пора было подстричься, да, и в школе замечания учителей становились все более колкими, кто-то предложил заплетать косы: гады, пусть только попробуют... И он тихо про себя рассмеялся тогдашней подростковой злости, максимализму и беззаботной жизни в настоящем времени. Александра слегка взъерошила ему волосы, обожая роскошную шевелюру брата и совершенно непокорный взгляд из под черных бровей.

Сестру слушался безоговорочно, даже больше, чем мать, хотя и непослушным не был. Сашка отвела младшего брата в парикмахерскую. Теперь ежик черных, как смоль, волос колот ладонь: «Ну, вот! На некоторое время от тебя отстанут», – смеясь сказала Александра и сделалась очень серьезной, – «Вроде, длина волос может изменит характер. Весь в деда. Обаятельный. Спортивный. Юморной».

– Сашка, смотри, я подстригла нашего бунтаря, – обратилась она к старшему брату, подходя к скамейке у подъезда.

– Одобрям-с, – и Александр протянул ему новый футбольный мяч. Где раздобыл, неведомо.

Егорка улыбнулся и побежал играть в футбол новым мячом.

– Снова с фингалом придет, – вздохнула Сашка.

– На то и мужик, сам разберется, – совершенно спокойно отрезал старший брат, открывая сестре двери, пропуская вперед и, поднимаясь на второй этаж.

Банда сорванцов уже ждала на футбольном поле. Эти тоже ехидно отозвались о слишком короткой стрижке. Брат оказался прав, потасовка закончилась в пользу Егорки, но свой фингал он таки получил. Молниеносная драка и такое же быстрое примирение. Игра! Два часа блаженства и движения: мальчики носились с мячом и до седьмого пота выясняли, кто лучше финтит или забивает голы в ворота противника.

Ветер принес еле уловимый запах с маминой кухни, в желудке предательски заурчало, он сосредоточился, удар:

– Го-о-ол!!! – кричала его «команда», пытаясь повалить его в траву. Он забрал мяч, простился с приятелями и помчался домой, наспех умылся, и ринулся к столу. Мать тихонько вздохнула, Сашка заржал, сестра сказала: «Ты неумолим. Ну, сколько можно драться»? Вопрос был риторический, Егорка только пожал плечами. Все сели за стол.

На столе была белоснежная скатерть, стол накрыт просто но элегантно: чашки, тарелки и салатницы из белоснежного сервиза с тонкой золотой каймой по краям. Мать недоумевала,

почему из нарядной посуды нужно есть только по праздникам, так Полина Ферапонтовна научила детей не откладывать жизнь на потом, наслаждаясь малыми ежедневными радостями.

Егорка закончил школу на отлично, но золотую медаль ему так не дали по причине совершенно несносного поведения. Потом было лето, подготовка к экзаменам и институт. Поступил легко. Поэтому, и завалил первую сессию. О подвигах нашего «дворового рыцаря» без страха и упрёка мы умолчим, дабы не подавать дурной пример детям. Скажем так, эти приключения были на грани фола: не отчислили и проблем с законом он тогда избежал, но декан сказал: «Иди-ка, ты, сынок... в армию. А остепенишься, добро пожаловать. Приходи и доучивайся. А покамест, прочь с глаз моих, Егор Степанович», – так его впервые назвали по имени-отчеству. Он снова усмехнулся и лег, надеясь немного поспать. Четвертый час, скоро подъем.

Глава 2. Да, здравствует взрослая жизнь!

Узкий коридор мешал развернуться, а из глаз сестры катились крупные, как горох слезы.

* * *

Молодо-зелено, когда весело больше, чем трудно, голодно всегда и, всегда в движении. Новый друг увлек его резьбой по дереву и со службы Егорка приехал с подарками. Маме – ветка рябины, Александре – панно с бегущими на свободу лошадьми, а брату – курительная трубка. Дымил Саньч, как провоз. С Колькой сидеть без дела было некогда, всегда что-то мастерили, шутили, тырили яблоки в садах подле воинской части и, вопрос Кольки прозвучал странно: «Горыч, что для тебя счастье?»

– Счастье – это просто! Счастье – это поспать на пару минут дольше, свист ветра в ушах, когда точно в цель, лицом в мокрую траву и дышать, дышать, дышать... увольнительная, встреча с любимой девчонкой, тихая песня под гитару, чувство локтя, письмо от мамы, звенящая тишина после...

Дембель. Кто служил, те знают, кто нет – завидуют молча: это не просто начищенная до блеска пряжка, лейтенантские погоны и форма с иголочки, это состояние души: Горыч заважничал, отрастил фирменный чуб. И никого не предупредил: звонок в пять утра насторожил домашних. Открывать пошел старший брат:

– Мамка! Сашка! Бузатер вернулся, – крикнул он в глубину квартиры и они с братом крепко обнялись.

Сашка оказалась в длинном узком коридоре первой, даже сонная, в шелковом халате, выглядела женственно и вызывающе. Она с удовольствием потрепала непослушный родной чуб и они дружно по-детски запрыгали по коридору в витиеватом дембельском танце: «Какой же ты стал... взрослый», – Александра была в положении, брат ослабил хватку, боясь сделать ей больно: «Ну, что ты, глупышка, не плачь. Все! Я дома и буду тебя защищать». Двойняшки уступили место матери: «Сынок...», – выдохнула Полина Ферапонтовна и, мальчишки под слезы радости и всеобщий хохот дружно внесли ее в зал на руках.

Отец уехал в деревню, сначала по работе, потом насовсем. Тянул за собой и мать, а потом привык. Их отношения были сложными, он никогда ее не понимал, да, не очень-то и стремился.

Прав был дедушка...

Что мужику надо? Так и сказал своей шестнадцатилетней дочери, которая уезжала учиться в университет: «Очень тебя прошу, не выходи рано замуж! Нам мужикам что надо... Ухожен. Накормлен. Постель, естественно. Ты такой интересный человек, столько знаешь, твоими интересами никто жить не будет. А вот, когда будешь самостоятельной, интересной, красивой, любой мужик твоим будет». Очень любил дочь, хотя отношения их простыми назвать

было сложно: какой-то неуловимый дух соперничества характеров всегда прослеживался. Степан Кузьмич возмутился тогда не на шутку: «Да, как он такое сказать посмел»? «Любил меня очень. И вашу мужскую сучность знал слишком хорошо. О том и предупреждал», – отмахнулась мать, занимаясь своими делами. Дальше ссора звучала уже не интересно. А сердце ее было с детьми. Всегда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.